

К. Разумовская

Фигуры расставлены
Игра началась

Черное озеро

СЕРИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СПАНЬ

18+

Annotation

Боги давно покинули эти проклятые земли. Но это не значит, что мы обделены их вниманием. Они будут свидетелями, как падет империя, восстанут новые коронованные чудовища на смену старым, а неугодные захлебнутся в луже собственной крови. Я избавлю наш мир от зла. Не от того, что мню себя героем. Напротив, я гораздо хуже. Но, если кому-то и суждено всё прекратить, так это мне. Царский пес, укусивший руку, что его кормила. Потерянная княжна. Наемник с большим сердцем. Самый худший друг. Падшая монахиня. Заблудший мальчишка. Крестьянин, полюбивший свою погибель. Чужая, попавшая по «ту сторону», чтобы искупить свои грехи и увязнуть в новых. Фигуры расставлены. Игра началась.

К. Разумовская

Черное озеро

Посвящается:

Моей маленькой семье из мамы и собаки, что так и не прочли,

Р., что вселял в меня уверенность в каждом шаге,

Л. которая смогла полюбить Смертников так же, как и я,

И другу, что обещал мне насмеяться над рукописью, но ставшему ее самым преданным читателем.

Его не было рядом, а ведь он обещал прийти и поддержать . Принести пару чашек кофе, ради которых Авен согласилась на эту глупость. Во всяком случае, она пыталась убедить себя в том, что дело только в карамельном латте и её неоспоримой продажности, а уж никак не в **Этроне**.

Молодая девушка стояла в аудитории, до отказа наполненной студентами. Стол перед ней совершенно пуст. Она знала, что хочет сказать наизусть, ей не требовались подсказки. На удивление Миасса, занявшего должность преподавателя в одном из самых престижных институтов Санкт-Петербурга, пригласившего иностранную гостью, ученики вели себя тихо, разглядывая даму с неподдельным интересом на протяжении всей лекции. От неё действительно было сложно отвести взгляд. Невысокая, хорошо сложенная, она скрестила руки на расшитом камнями корсаже. Медные волосы стекали по оголенным плечам, словно раскаленное стекло. Тонкие пальцы, увенчанные блестящими черными когтями, постукивали по предплечьям.

– Раскол произошел пару сотен лет назад. Церковь поделилась на два лагеря, ведущих каждодневную холодную войну. Напрямую последователи разных вероисповеданий никогда не вступали в открытую конфронтацию. Они шептались друг у друга за спинами, превознося одних Богов над другими. Все их потуги были бесплодными. Сами того не ведая, поклоняясь одним, они величали иных, тех, кого так боялись. В народе их прозвали **Старыми Богами** , когда на свет родились **Новые** . Менее изощренные в своём мастерстве, но всё же они являли миру чудо, которое простой люд мог лицезреть. Старые же Боги всегда были скрытными и от того, более пугающими. Новые же не чурались общаться с царскими подданными и устраивать представления, взывая к своим силам и демонстрируя смену времен года. **Люди любят глазами, верят сердцем и совершают злодеяния, поддаваясь низменным порывам своих душ, за спасение которых так трясутся** . И потому Новые Боги оказались им отличной заменой Старых, злых и несправедливых. **Человека поймёт лишь человек** . Ни зверь, ни птица, ни ветер. Схожесть Новых Богов с простыми людьми усиливала эмпатию со стороны верующих.

Молодой человек с предпоследнего ряда поднялся. Его глаза горели жадной жаждой знаний, такой, которую преподаватель ранее не видел.

– Авен Л'Йер, вы упоминали **Бесов** . Кто же тогда они?

Приглашенная дама выразительно взглянула на преподавателя из-под полуопущенных ресниц. Миасс смущенно опустил голову и окрашенные розовым волосы разметались в стороны, скрывая от всех обреченное выражение лица. Вишневые губы рассказчицы растянулись в довольной улыбке, когда она заговорила вновь, отвечая на вопрос студента:

– Бесы были промежуточным этапом между Старыми и Новыми Богами. Они застыли в янтаре из пространства и времени, неся верную службу своим Грехам. Тогда люди ещё не были готовы отречься от Смерти и пантеонов Грехов и отвергли Богов, заточив их в горных ущельях и в глубинах Черных озёр. Им не возносили молитв, не почитали и не изображали на фресках. Отвергнутые, они ждали своего часа, когда ни Старые ни Новые Боги не отзывались на мольбы страждущих. **Люди шли к тем, кого сами когда-то изгнали, цепляясь за Бесов, как за последний шанс исправить допущенные ошибки. И бесы всегда откликались на зов, как бы тихо их не звали**. Не избалованные почетом и преклонением,

они слышали каждого, кто нуждался в их покровительстве.

Авен Л'Йер обвела собравшихся в аудитории взглядом и усмехнулась. Так, словно воспоминания злили её ровно столько же, сколько и доставляли удовольствие. Она никогда не рассказывала эту историю. Она жила по **ту сторону** и знала то, о чём остальные не могли и допустить мысли. События минувших лет жили в её памяти и стенали, умоляя её поведать обо всём, что она знает. Для полноты картины – уверяла себя она, зная, что лжет. И всё же Авен поддалась.

– Однажды сломленные люди пришли к Черному Озеру. Они искали ту, о ком веками слагали легенды – **ведьму**, соткавшую двух гончих из земли и глины, чтобы те нашли её возлюбленного. Эта же ведьма, по преданиям, наплакала **Соленое озеро. Черное, как сама ночь, оно не имело дна. Как пустота, в её душе.** Люди просили её дать им подсказку куда двигаться дальше, ибо путь их был извилист, тернист и таил множество опасностей. Тогда ведьма подошла к берегу и заглянула в черноту вод. **Там заканчивался один мир и начинались иные.** Ведьма указала пальцем в пустоту и прошептала на одном дыхании:

**«В черном озере на дне,
Сидят Бесы в пустоте.
Шепчут о Тумане, башне,
О дожде и том, как страшно,
Змеям с двумя головами,
Что взаперти живут веками.»**

Студенты, все как один, слушали Авен затаив дыхание. Довольная произведенным эффектом дама уселась на край преподавательского стола и заговорила чуть тише:

– А, вообще, всё началось не с **Черного Озера**, а гораздо, гораздо раньше...

Авен улыбнулась. Допила кофе из бумажного стаканчика и неторопливо продолжила свой рассказ. С каждым словом на лице всё отчетливее проступала грусть, которую она прятала за маской холодного безразличия. Так долго, что Авен сама не уверена сколько чувств всё ещё способно испытать её окаменевшее сердце.

– На двенадцатый день шествия конвоя в столицу, туда, где должен был быть казнён Амур Разумовский, – добрейший души человек. Убийца престолонаследника и самый верный пёс своего царя, решивший поставить на колени всех, кто осмелится помешать его мести, чего бы это ему не стоило... В тот же день, на окраине Москвы, юная воровка пошла на своё последнее дело, ещё не зная, что некоторые дороги пересекутся в любом случае. **Если людям суждено встретиться – внутренний компас приведёт их к свету. Он направит их вопреки всему.**

Змеи вылезли из нор.
Каплей яда ты убит.
Не носи из избы сор,
Глазу кажется, что спит.
Нет сомнений в Божествах,
Холод кожи подтверждает,
Нет и блеска в их глазах.
На Царя надежда тает.

Глава 1. Спасенный пленник

Амур

Тогда

Кафтан небрежно брошен на стуле подле не застеленной кровати. Простыни мятые и всё ещё теплые. Скользящая ткань верхней одежды, расшитая крупными цветами, переливается от насыщенно-медного к золотому в свете десятка толстых свечей, расставленных в опочивальне в особом порядке, чтобы подсветить каждую пядь помещения.

Идэр не любит темноту так, как я. Ей кажется, будто мгла скрывает ужасы, но, думаю, это свет заставляет нас верить глазам, а не чутью, усыпляя бдительность.

Кто заметит отравительницу в пышной даме преклонных лет, чьё лицо будет хранить на себе воспоминания о сотнях улыбках, запечатлевшихся в морщинах? Что если она улыбалась всякий раз, признавая в очередном случайном незнакомце свою будущую жертву?

Или же, кому придёт в голову, что с виду самое неприглядное создание имеет чистейшие помыслы?

Воск, застывший серебряным водопадом, давно заполнил собой подсвечники и растёкся по ковру и паркету.

Маменька будет в ярости, как, впрочем, и всегда. Очередные вещи, испорченные Идэр по невнимательности.

Натягиваю тщательно выглаженную белую рубаху, с обтянутыми шёлком пуговицами. На груди и манжетах традиционный узор – красные завитки с цветами чертополоха и змеями. Вышивка подрагивает на ветру. Теплый весенний воздух наполнен запахом сирени, одеколona и страстно любимых мной мятных леденцов. Медная коробочка, набитая сладостями до отказа, ждет меня на тумбочке, некогда служившей моей даме для хранения украшений.

Со дня помолвки нам пришлось найти ящик для побрякушек побольше.

Любовь к красивым ухаживаниям передалась мне от матери. Она, как и я, в первую очередь падка на внешнюю красоту. Что значит большое сердце, если лик столь уродлив, что постыдно задержать на нём взгляд?

Идэр. Идэр – главное украшение моей спальни.

Дама в пеньюаре красуется перед большим зеркалом, заключенном в кованную раму. Нежно розовая полупрозрачная ткань контрастирует с загорелой кожей. Идэр примеряет новые яхонтовые серьги, подаренные мной за ужином чуть менее часа назад. Темные прямые волосы стекают по плечам до лопаток и подрагивают. Не решаюсь подойти ближе, с замиранием сердца слежу за каждым ее движением исподтишка.

Терпеливая, послушная и кроткая. Такая, какой должна быть идеальная девушка.

Скрывать такую изящную фигуру под бесформенной рясой было ее вторым преступлением после красоты.

Высокая и худая, не такая белесая, как другие аристократки. Её движения не отточены, как у дев из знатных семей, зато она умеет нравиться несмотря на то, что принадлежит совсем к другому классу.

Идэр оборачивается, одаривая меня обворожительной улыбкой.

И пускай она отдаёт всю себя, мне всегда будет этого мало. Я хочу большего. Мне всегда будет не хватать.

– Нравится? – С глупым влюбленным придыханием выговариваю я, едва не разевая рот от переполняющей меня радости. Знаю ответ на вопрос, но не устану повторять его из вечера в вечер, всякий раз, когда на тонких пальчиках виднеется новое кольцо или же длинную шею обвивает только что купленное колье.

Ничего не могу поделаться с невероятным удовольствием, получаемым от похвалы и признания моей исключительности. Любая возможность поговорить должна быть использована. Тем более, если речь шла о том, как сильно она меня любит.

– Конечно. – ласково отвечает невеста. Я кратко киваю, понимая, что нам уже нужно покидать дом. Царь не любит ждать. В спальню проходит пара служанок в передниках, надетых поверх льняных платьев. Они молчат, едва слышно шелестя подолами. Идэр издает протяжный писк, видя платье в руках прислуги. Наряд расшит бисером и драгоценными камнями. Густые темные брови возлюбленной поднимаются, когда она хлопает в ладоши от восторга. Глядя на ее детское ликование, мне не удаётся сдержать улыбки.

Я люблю ее. Она – все, чего я мог хотеть. А на свете нет прекраснее чувства иметь то, что желаешь.

Сейчас

Сегодня я в очередной раз пообещал себе, что не умру. Мои конвоиры клялись в обратном.

Солнце светит прямо над головой, обжигая голые плечи, живот и спину. Кожу стянуло и при каждом наклоне или резком повороте она лопаётся. Из старых ран, оставленные розгами на спине, что не могут зажить уж одиннадцать суток, ровно столько, сколько мы движемся на север, почти не прекращая сочиться кровь.

Метод воспитания кнутом и пряником прекрасен в своей действенности, за исключением случаев, когда под рукой имеется исключительно кнут.

Царские прихвостни, гордо именующие себя дружинниками, возлюбили ближнего своего в моём лице настолько, что бить меня разрешается только тому, кто отличится особой доблестью. Я бы ответил им взаимностью, но накрепко сцепленные кандалами кисти стали безвольными отростками, страшно огорчавшими меня своей беспомощностью.

Идя на казнь, я не боюсь презрения в возгласах разгневанной толпы или манерных улыбок Совета, что вынесет мне смертный приговор. Меня пугает лишь липкое ощущение собственной никчёмности. Оно не покидает меня ни на миг, напоминая, что даже самый дикий Зверь, будучи в клетке, должен принять правила дрессировщиков. Иначе его ждет участь шерстяного ковра под сапогами правосудия.

Правда, я всё равно погибну несмотря на моё повиновение властям.

И я...сдался. Точнее, мне пришлось отложить происки и бурные фантазии о побеге на второй план. На первом у меня был плотный угольно-черный льняной мешок, преградивший взор. Все, что мне оставалось делать – это плестись в тишине.

Солдаты не самые лучшие собеседники, если не худшие.

С каждым шагом приближаясь к смерти я все глубже увязаю в воспоминаниях, озадачивая себя единственным вопросом, имеющим смысл: «когда все пошло наперекосяк?»

Я винил всех и каждого: царя, Богов, мать и свою без пяти минут жену, но не себя. Я – жертва обстоятельств. Меня растили искусным убийцей. Мать привила любовь к стратегии, поощряла холодное отношение к чужим чувствам и с трепетом взращивала во мне лютую ненависть. Холодный расчет – вот что, по её мнению, могло сделать из меня достойного человека. В пример она всегда ставила себя. Достоинно, ничего не скажешь.

Селенга Разумовская не раз повторяла, что при дворе, еще задолго до моего рождения, мне было нагрето местечко возле царского трона – его личная гончая в человеческом облики. Следопыт, наёмник, один из ближайших соратников и просто рубаха-парень, выезжающий в качестве сопровождающего на охоту. Мой господин видел во мне пса и обращался со мной как с собакой: званые ужины во дворце за послушание, розги за неповиновение и объедки с праздничных столов, именуемые жалованием.

Боги не направили меня на путь истинный, когда я пришел к покоям наследника престола. Они не укрыли мою семью от несправедливого приговора и не затушили праведный гнев, что позже разгорелся инквизиторским костром возмездия в мою честь.

И всё равно я забрался выше, чем кто бы то ни было. За это и поплатился. Падать в подземелье было больно, ещё больнее – выкарабкиваться.

Каждую секунду, коих скопилось достаточно за годы заключения, мне без устали представлялось, как я отыграюсь, когда выберусь.

Если выберусь.

Мне удалось прожить слишком долго для того, кому был уготовлен столь короткий век. За года в Лощине дружинники ни раз перемололи в порошок мои кости, но так и не довели дело до конца. Царь Райрисы, Волган Воронцов Пятый, уготовил куда более воодушевляющую участь.

Он всегда любил представления, но лишь те, где не являлся главным шутком. Таких, к его огромному сожалению, было ничтожно мало.

Приговор обязан вынести Совет – приближенные правителя. Они, как и главенствующий узурпатор, восседают в Святом граде Дождя, новой столице.

Крысы более не селятся в сараях и погребях, а греют шкуры в дворцовых палатах на бархатных банкетках.

Старую столицу постигла разруха и мор. Еще одно последствие многовластия, учиненного князьями. С мором не управились вовремя и болезнь выкорчевала жизнь с корнем по всему южному побережью, достигнув и без того пустынных Рваных Берегов.

Мор предшествовал новой болезни, но власть имущие ничему так и не научились. Десять княжеств, объединенных под бравым началом Волгана Пятого, с трудом держат оборону своих жалких клочков земли.

Райриса моего детства, по рассказам матери, была великой. Сейчас от величия осталось кострище, да сумасбродство местечковой власти. Удушив Юг, паразиты заселили север, обосновавшись в Святом Граде Дождя.

Добраться до новой столицы к первой дате моей казни помешала воля случая – болезнь, поразившая западную часть царства. Люди начали звереть. Дошло до того, что они, сбиваясь в стаи, как волки, вырезали деревни и города.

Мор сменило всепоглощающее безумие.

Ну не сука ли Судьба, если она есть? У Грехов есть чувство юмора, подарившее мне лишние пару лет жизни.

Поначалу, после моего ареста, было принято решение немного переждать столь

неприятную неурядицу, как многочисленные смерти от голода на Юге, а потом всё как-то затянулось с приходом слабоумия с Западных земель.

Я гнил в промозглой тюрьме, пока в родном краю некому было убирать тела, распухшие от скорого разложения под палящим солнцем, с центральных улиц.

И всё же, обо мне не забывали. Царь, с несвойственным ему рвением, писал мне любовные письма.

Когда-то я был не только убийцей его сына, но и другом. Как же давно это было... Жизнь осталась та же, но декорации и актеры сменились на полярно противоположных.

Теперь я – цареубийца, что купается в угасающих лучах любви и уважения, а Волган – убитый горем отец, чьё правление приближается к закату как никогда скоро.

Не знаю чья потеря обозлила его сильнее, но от обилия бранных выражений, нацарапанных на бумаге, я едва ли не надрывал живот от смеха. От чего-то он напоминал мне несправедливо брошенную любовницу, огорченную фактом расставания.

Любовницы – ещё один атрибут прошло, что сейчас кажется совсем несовместимым с нынешним положением.

Женщины, коих глупцы считают вторым сортом, лишенными душ, безмерно коварны, что ни может не восхищать. Но за каменными стенами темниц любовниц и след простыл, а моя милейшая невеста стала последней женщиной, которую я возжелал бы видеть.

Обзаведшейся столь неслыханной славой я перещеголял всех своих именитых преступных предшественников. Не каждому удавалось сомкнуть свои пальцы на шее единственного наследника престола, оберегаемого как зеница ока. Я видел, как жизнь гасла в его прекрасных зелёных глазах, доставшихся ему от папочки, и одаривал его щедрой, неподдельной улыбкой в ответ на мольбы сохранить ему жизнь.

Люблю вспоминать о ночи своего триумфа, когда мне удалось превзойти самого себя.

Но каждая ночь сменялась утром. Признаться, я не знал, когда солнце восходит, а когда гаснет за горизонтом. Я просто чувствовал тяжесть каждого нового пробуждения. Оно будто бы ещё сильнее отдаляло меня от призрака свободы, маячившего на границах сознания.

Иногда, в смраде испражнений и затхлости я чувствовал вольный ветер, некогда беззаботно трепавший мои волосы и аромат страстно любимых мною мятных конфет. Подсознание играло со мной злую шутку, подталкивая к бездне, именуемой полным безумием. И хоть на протяжении своего существования я, безусловно, то и делал, что балансировал на её грани, перспектива взглянуть в клокочущую пустоту сумасшествия пугала до чертиков. Перед сном и сразу после пробуждения я увязал в своих фантазиях, что очень скоро приобрели черты чётко выверенных планов. Изо дня в день я, со всей свойственной мне педантичностью, продумывал каждую деталь до мельчайших подробностей.

Однажды ко мне подослали послушницу.

Этого предвидеть я не мог.

Монастыри часто отправляли своих подопечных в тюрьмы, чтобы те попытались направить грешников на путь истинный. Они проповедовали учения о Мертвых богах. Но кому нужны они, если наши Новые Боги еще едва ли успели остыть?

Скверные фанатики никогда мне не нравились (за исключением одной, о чём я потом горько пожалел), но встретить кого-то из мира снаружи заставило тело покрыться мурашками.

Подумать только, причастие! Я буду исповедоваться перед послушницей!

Как и всякое религиозное таинство, оно должно было проходить без посторонних глаз.

Монахиня была мертвенно бледной, когда железная дверь с лязгом захлопнулась за её спиной.

Клянусь, первое, о чём я подумал, так это была ли в ней вообще кровь?

Была. Много, много крови.

Послушница погрязла в ужасе, когда познакомилась с первым секретом моего скромного жилища – дверное полотно, тяжелое, как валун, не пропускало звуков.

Меня это не смущало первые пару дней, потом я думал, что схожу с ума от эха собственных шагов. Через пару полных Лун я уже во всю беседовал сам с собой, веселясь, как дитя, когда мой натужный крик с мольбой о помощи повторялся десятикратно.

Я представлял, что это в отчаянии вопит Волган. Или моя несостоявшаяся жена.

Оставшись с наедине с послушницей, я чуть не потерял голову от того, что в безупречной тишине теперь слышалось дыхание сразу двух людей.

Она была лишней.

Я хотел накинуться на неё и вдохнуть ветер, что мог не до конца испариться с её волос и черной бесформенной рясы. Никакой подоплеки в моих действиях бы не было, девица на редкость непривлекательной внешности. Уж слишком лицом походила на мою невесту.

Это было роковой ошибкой, сравнивать их. От чего, глядя на белёсую уроженку средней полосы, я во всём видел свою смуглую предательницу родом с востока.

Тем временем послушница не теряла времени и огляделась по сторонам. Задержала взгляд на потолке, обросшем паутиной за ночь. Вчера, как и каждый день до этого, я с остервенением отмывал каждую пядь проклятой темницы.

Лощину можно было проклинать сколько угодно, но воду тут носили исправно – два ведра каждое утро пропихивали в отверстие в двери, что могло быть лазом для крупной собаки.

Я бы не пролез в него.

Тогда же подавали еду – две медные миски с хлебом и мясом животных, выращенных в окрестностях тюрьмы.

Арестантская одежда не была богата обилием красок и фасонов. Да что уж греха таить, она не предусматривала даже панталонов! Нарядившись в брюки и белоснежную рубаху, в которых меня когда-то арестовали, я сидел на деревянной лавке. Босой. Призрачные воспоминания о манерах не позволили мне пригласить послушницу на полку, аккуратно застеленную шкурами.

Одну я уже привел в свою постель и потом горько об этом пожалел.

Слуга богов боялась меня. Сначала я думал, что виной тому место, где она оказалась, но потом вспомнил о том, *кто я и как выгляжу*.

Кто бы не плёл, что девы без ума от мужчин со шрамами – они нагло врут. Пара живописных рубцов рассекают левую сторону моего лица. Одним шрам проходит через бровь и оканчивается под скулой (из-за него я едва не лишился глаза), а второй исчезает за тугим воротником рубахи. Из-за него я чуть не попрощался с головой. Третий рубец терялся на фоне других, уродуя переносицу. Этими отметинами я горжусь так же сильно, как презираю.

Послушница представилась сестрой Нерлью. Хотя я и не нуждался в том, чтобы последовать её примеру, но произнёс своё имя в ответ.

Амур Разумовский.

Голос хриплый и низкий принес освобождение. Как бы много я не думал, ни за что бы не предположил, что заговорю с кем-то так скоро.

Она прошептала тихое: «я знаю», и села на противоположный край лавки, содрогаясь от страха. Но я всё равно чувствовал запах ладана, шалфея и полыни.

Запах моей ошибки.

Нерль рассказывала мне заученную речь, спотыкаясь через каждое слово и шептала извинения, не поднимая глаз. Она поведала мне о Смерти – главном божестве, следящим за судьбой каждого из нас. На мои возражения, основанные на том, что людей слишком много, послушница кротко улыбнулась и ответила, что *за мной* она следит особенно пристально. Слуга богов перечисляла семь Грехов, считавшихся мертвыми, уверяя, что они живы и являются лишь тогда, когда в них верят.

Почему-то это показалось мне забавной метафорой. Когда обладал такой роскошью, как верой в меня, тоже чувствовал себя живым. Возможно, я даже был счастлив. Не помню. Слишком уж давно это было.

Нерль говорила о Грехах, как о приближенных к богине Смерти. Чем дольше слышал её проповедь, тем более укоренялся в мысли о схожести Нерли и Идэр.

Я могу солгать, что не ведал какие силы овладели моим духом и телом, но не стану. Вспоминая о том, как мои пальцы впивались в её нежную кожу и рвали её никчемную душу на куски, будоражат самые потаённые закоулки сознания.

Кто бы мог подумать, что одно лишь воображение кровавой расправы над бывшей дамой сердца принесёт мне столько удовольствия?

Маменька бы назвала это извращенным возмездием, но разве не каждая кара за грехи извращена тем, что одни грешники наказывают других?

И пусть Нерль понесла тяжкую смерть лишь за то, что своим видом напомнила мне Идэр, я ни о чём не жалею.

Некоторые вынуждены отдуваться за чужие грехи просто по несправедливому стечению обстоятельств. Как это сделал я.

Я душил послушницу, приводил в чувства и ломал пальцы. Фалангу за фалангой. Она медленно увядала на полу, заливая кровью место, где потом годами я обедал и ужинал. Её завывания и мольбы о помощи принадлежали лишь мне и моему безумию. Ещё в них слышался голос моей невесты. Страдания предательницы – трель для моих ушей.

Она не влекла меня как женщина. Я не касался послушницы как девы, а просто... уничтожил.

– Ну, здравствуй, Амур Разумовский.

Спотыкаюсь, услышав знакомый голос. Он заставляет напрочь позабыть о размышлениях. Вообще обо всём. Земля уходит из-под ног, и голова наполняется сотнями мыслей, но я не могу поймать ни одну из них.

– Меньше, чем через пару недель тебя казнят в Святом Граде Дождя. – вмешался другой человек. За его словами следует удар прикладом в бок. Подсохшие раны, оставленные плетью, вновь кровоточат. Шум в ушах заглушает разговоры заключенных в шеренге.

Этого просто не может быть!

Солдат скрипуче хихикает и продолжает:

– Изрядно же мы потрудились, таща вас на север. Я выпью горючки, когда огласят твой приговор. Куплю себе куртизанку, добротню прожаренный кусок оленины и отпраздную твою смерть.

Это мы ещё посмотрим. Я вырву его язык и заставлю захлебнуться в собственной крови.

Она здесь.

Замедляю шаг и со всем несвойственным мне дружелюбием плету околесицу, отвлекая дружинника:

– Не переусердствуй с продажными женщинами, они знают толк в торговле. – хриплю я, едва ворочая языком после затяжного молчания. Спотыкаюсь, кажется, о корень. Кандалы характерно звякают, привлекая ко мне ненужное внимание.

Перед глазами всплывают очертания шикарной женщины. Идеальная бронзовая кожа, хищные карие глаза и цепкие лапки, готовые вырвать сердце ради пары золотых монет.

Нет, нет, нет! Только не сейчас!

Делаю глубокий вдох, будто это может затушить пожар, бушующий в груди.

– Это почему это?

Он удивлен. Еще сбавляю шаг, насколько это вообще возможно, лениво разминаю связанные за спиной кисти.

Я должен быть готов.

Из-за мешка нет возможности разглядеть собеседника, потому просто поворачиваю голову в сторону, откуда исходит голос.

– Поверь моему опыту. – Смеюсь. Звуки вырываются сиплым карканьем. – Сегодня ты покупаешь ее, а завтра она продает тебя и твои вещи на ближайшем рынке.

– В каком смысле, Зверь?

По голосу он не может быть старше меня. Походка быстрая, слегка подпрыгивающая. От него пахнет жареным на костре мясом и сушеными яблоками. Не высокий. Ему приходится делать три шага, когда я делаю два. Солдат слишком наивен, голос его мне не знаком, да и молод, из чего можно сделать вывод, что он новобранец.

Это будет просто.

Криво улыбаюсь. Песок из пыльника тут же попадает в рот.

– Женщины очень хитрые. – заговорщицкий тон, будто делюсь с ним сокровенной тайной. – Даже самая глупая с виду дама умнее тебя.

– Неправда! – возмущенно и будто обиженно шипит дружинник, сопровождая негодование тычком дула ружья в оголенный бок. Холод металла заставляет меня едва заметно дернуться. Его явно зацепили за живое мои слова. Беспечножимаю плечами. Грубая мешковина царапает кожу, из-за чего она постоянно чешется.

– Девушки... – Мечтательно тяну я. – Они прекрасны. Жаль, что ты никогда не можешь быть уверенным в их преданности.

Второй человек недовольно хмыкает справа.

Она.

Слабое дуновение ветра ласково толкает в спину и мир вокруг погружается во тьму. Пение птиц и хруст сухих веток с непривычки режут слух. Ноги, ранее вязнувшие в песках, касаются твердой земли. Даже, как казалось мне ранее, неиссякаемые перешептывания заключенных сходят на нет. Дышать гораздо легче. Прохладный лесной воздух проникает сквозь ткань, донося с собой запах хвои и трав. Мы вступили в центральные леса. Ещё пару ночей, и мы окажемся у подножия Змеиных Хребтов, а оттуда до новой столицы рукой подать. Неделя, может, дней десять, и я встречу с царем и его Советом лицом к лицу.

– Эй, красавчик, чего унываешь? – Пропевает нежный женский голос справа. Он принадлежит спутнице новобранца. Расправляю плечи, чувствуя, как дуло ружья упирается в бок. Смешок. Дева явно довольна собой. Не узнать её голос невозможно. Тяжело признаться, но я рад вновь услышать Идэр спустя столько лет.

– Зилим, прогуляйся. Я поболтаю с этим отрешьем.

Ответа я не услышал. Мы продолжаем идти. Тупая головная боль из-за палящего в затылок солнца отходит на второй план, оттесненная очередной злой шуткой Судьбы. Дама насвистывает безусловно знакомую мне мелодию, но я никак не могу понять откуда же она. Идэр будто подражает птицам, но изрядно фальшивит.

Песня из прошлого – подсказывает чутье.

Заливистое щебетание пернатых заставляет заткнуться даже пленных. Убогих шуток, что ранее так терзали слух, более не слышно. Только моя несостоявшаяся жена и птицы.

Как эту чертовку угораздило исполнять столь деликатное распоряжение? Насколько мне известно, далеко не всем простофилям позволено сопровождать «царский подарок». Глупый, глупый и самонадеянный Волган в очередной раз собрал вокруг себя идиотов. Целый отряд.

Оружие, упертое под ребра, не даёт вдохнуть полной грудью. Но даже столь небольшое недоразумение не мешает мне почувствовать внезапно накатившее спокойствие. Оно, будто туман, окутывает сознание, притупляя боль и отгоняя мучавшие меня мысли о побеге.

– Как скоро?

С губ срывается вопрос, терзавший разум годами. Собственный севший голос кажется чужим. Он, словно монстр, продирает себе путь наружу, заставляя меня прокашляться от песка.

– Скоро, скоро.

Идэр спокойна. Настолько, чтобы начать меня злить.

Изменилась ли моя предательница с нашей последней встречи? Годы моего заточения наложили видимый след на её ничем необремененный лик?

Громкий лай выбивается из тихого лаконичного пения птиц, заставляя меня дернуться в попытках понять откуда звук.

Откуда в такой глуши псы, да ещё и столь писклявые?

Мотаю головой по сторонам, но не слышу ничего кроме смеха дружинников и перешептываний заключенных, оживившихся так же внезапно, как они замолкли.

– Может, даже сейчас. – добавляет старая знакомая и бьет меня прикладом по плечу. Валюсь на колени, чувствуя, как Идэр приземляется совсем рядом. Так близко, что я чую мяту.

Я мог бы придушить ее, мне стоило всего лишь вытянуть руки. К сожалению, такой возможности нет.

Идэр, схватившись за мешок на моей голове, тянет меня вниз. Сосновые иголки и мелкие веточки впиваются в голую грудь, когда раздаются выстрелы. Затем первый крик. Укладываюсь возле Идэр, прижимаясь к земле. Кто-то падает сверху, и горячая кровь попадает мне на спину. Под увесистым телом дышать становится труднее. Упираюсь лбом в грунт, выплевывая остатки пыли изо рта.

Скоро представление закончится, осталось лишь немного потерпеть небольшие неудобства в зале. Партер уже не тот...

Шум выстрелов дробью, разрывающей тела на шмотки, перекликается со свистом стрел. В суматохе сложно сказать сколько нападавших. Не верится, что моей милой предательнице удалось собрать отряд спасателей для царевубийцы.

Впрочем, мораль имеет тихий голос, порой тонущий в звоне монет.

Все закончилось так же быстро, как и началось. После залпов мир будто бы онемел. Никаких больше птиц и голосов. В бездвижном воздухе повисли запахи пороха и металла,

вытеснившие собой аромат мятой травы и свежести. Чьи-то руки вцепляются в мои плечи и помогают мне подняться, отбрасывая мертвое тело в сторону. Мужчина. Человек снимает мешок. Мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к ослепляющему солнечному свету, пробившемуся сквозь густые кроны деревьев. Пыль танцует в воздухе. Стройные стволы сосен, ровные как на подбор, обрамляют две разбитые колеи, исчезающие далеко впереди. Тела. Очень много трупов. Красные костюмы дружины, заключенные в оборванных лохмотьях, все они лежат навзничь, с запрокинутыми головами и перекошенными смертью лицами. Передо мной загорелый, вымазанный в грязи, восточный парень, в одних штанах, комично облепленных листьями. На жилистом плече висит ружье, принадлежавшее когда-то дружинникам. На прикладе красуется вырезанное изображение медведя. Пасть его раскрыта, обнажая острые зубы. Шрамы на лице и шее предательски чешутся. В черных волосах моего спасителя запутались ветки, напоминающие мне чахлые олени рога.

– Ну, здравствуй, Амур.

Расплывается в кривой улыбке Хастах. Его острое лицо и угловатое иноземное лицо не заточено для улыбок. Восточные жители никогда не славились своим рвением в демонстрации зубов, как, например, западные Мерянцы. Вторые скалятся по делу и без. Карие глаза моего друга хитро скользят по телам, усыпавшим собой, словно опавшие листья, лесную тропу. Спины касается холодная ладонь. Женская.

– Я же говорила, они справятся.

Идэр не обращается ко мне. Скорее, слова адресованы Хастаху. Брезгливо сбрасываю её руку не оборачиваясь. Моя предательница обходит справа и встает напротив. Совершенно такая же, как в последнюю ночь, когда я её видел. Одетая в военную форму Красной армии, она встает подле моего старого друга и самодовольно озирается по сторонам. С первого взгляда они похожи на близких родственников.

Южане все похожи между собой.

Загорелая кожа блестит от жары. Волосы стали немного длиннее и передние пряди слегка выгорели на солнце, став светло-коричневыми.

Дважды должник своей предательницы.

– Идэр, не присваивай мой гений себе.

Из-за близко прижавшихся друг к другу деревьев выходит двое парней. Высокий чернокожий мужчина крепкого телосложения, гремя цветными бусинами на сваленных волосах, подскакивает ко мне за пару размашистых шагов, по пути бросая оружие на землю. Его худой рыжеволосый спутник остаётся стоять на месте, смущенно опустив голову.

– Ты ж моя принцесса! – Громогласно прикрикивает Катунь, отрывая меня от земли, заключив в крепкие объятия. Нервно фырчу в ответ несмотря на то, что не думал увидеть их снова.

Они пришли за мной после всего, что произошло. Вернулись спустя столько лет, а я не чувствую ничего кроме усталости.

– Спасать его чтобы придушить? У нас трое и так полегли.

Кто? Почему я не помню их имён и лиц?

На мой немой вопрос Катунь стучается лбом о мою голову, протягивая:

– Нам нужно было мясо чтобы отвлечь внимание дружинников. А тебя как откопали на дороге, так и закопаем! Лучшие наёмники те, с которыми потом не нужно расплачиваться.

Его ответ меня более чем устраивает.

Хастах доволен добычей, хотя по унылому виду этого и не скажешь. Он подходит ближе

к телам заключенных и конвоя. Друг, не торопясь переворачивает пропитанные кровью трупы солдат, обыскивая их потайные карманы. Трогать заключенных не имеет смысла. У нас ничего нет за душой. Может, и душ-то не имели. Когда мои ноги вновь касаются земли я не могу сдержать истеричный смех.

Несвойственно для меня.

Рыжий паренек шагает вперед. Его янтарные глаза светятся от радости, а на скуластом лице виднеются глубокие ямочки. Он улыбался так широко, что его детское лицо того и гляди треснет.

– Мы тут собрали вещичек в твоем стиле. – глупо скалясь пропел Стивер Ландау, протягивая мне мешок, похожий на тот, что был надет на моей голове.

Никто больше не посмеет ослепить меня – твержу себе.

Мнусь, но забираю подарок.

Свободной рукой худощавый мальчонка теребит рыжие кудри, перевязанные на затылке кожаным шнурком.

Как будто у него была возможность узнать какие тряпки я предпочитал в прошлой жизни.

– С трупов? – Усмехаюсь, следя за тем, как Хаства набивает мешок, прикрепленный к кожаному ремню его потертых брюк, вещами с еще не остывших тел. Стивер смущается.

– Я клялся миловидной торговке, что это не для меня, но она все равно не захотела встретиться со мной еще раз.

Вытаскиваю серую мятую рубашку и поспешно натягиваю ее, скрывая с глаз друзей более сотни шрамов, уродующих спину и грудь. Рельеф мышц не спасает ситуацию. Там попросту нечего спасать.

– Уверен, что дело в одежде?

Идэр скрещивает руки на груди. Ее тонкие длинные пальцы вновь устланы множеством золотых колец, по два на каждый. Натягиваю приталенный смоляной жилет и накидываю поверх него плотный черный пиджак со скрипящей подкладкой. Расстегиваю молнию брюк, щедро выделенных мне Лощиной, и слышу возмущенный возглас несостоявшейся жены:

– Эй, а предупредить?

Убедившись в том, что Идэр отвернулась, я переодеваю штаны.

Что эта лицемерка там не видела? Праведная шляха.

Удивительно, как пара тряпок может изменить внешний вид до неузнаваемости. Я, кажется, даже чувствую себя иначе. Друзья с широкими улыбками переглядываются между собой. Меня не покидает беспокойное чувство, будто я вот-вот открою глаза, а вокруг лишь вязкая тьма Лощины.

Я так готовился к этой встрече, но по итогу так и не оказался готов.

Снисходительно киваю Идэр, приветствуя, и приступаю к обуви. Кожаные туфли немного велики, потому я сильно затягиваю шнурки.

– Куда мы двинемся теперь? – бормочет Катунь, опираясь на Стивера, и без того еле держащегося на ногах. В голове отмечаю, что они сблизилась за время моего отсутствия.

У них было много времени.

– Для начала мне нужна баня и сон. Еще я хочу вина и кукурузный хлеб.

– Полегче, дорогой Амур, мы не успеваем записывать.

Стивер, не сводит с меня по-детски восхищенного взгляда. Так глядят на матерей и красавиц-подруг старших сестер, но не на убийцу. Идэр подхватывает смех Катуня, лишний

раз напоминая о себе.

Убей Идэр прямо сейчас. Не омрачай этот великолепный день её присутствием.

Хрип раздается откуда-то из-за спины. Выстрел. Дергаюсь влево, подальше от Идэр. Пуля свистит мимо бедра, оставляя живописную дыру на удлинённых полах моего новогопоношенного пиджака. Оборачиваюсь, кружусь на пятках.

Ах, какое безобразие, они кого-то не доби́ли! Вот и работёнка для меня.

Дружинник лежит на животе, сжимая трясущимися пальцами вычищенное гвардейское ружье. На груди разрослось темное пятно.

Не долго ему осталось.

Холеное упрямое лицо – единственное видимое доказательство того, что настрой его серьезен.

– Ты не уйдешь, понял? – дрожащий голос принадлежит одному из моих истязателей. Зилим, если мне не изменяет память. Мальчишка, что любит сушеные яблоки, оленину и куртизанок.

Тон его потерял былую уверенность и надменность вместе с излишками крови. Жалкое зрелище: паренек, лежащий среди тел своих едва теплых сослуживцев.

Добей его.

По узкому подбородку кровь бежит извилистым ручейком. На вид он действительно младше меня. Может, чуть старше Стивера. меховая шапка съехала набекрень, закрывая один глаз. Второй же в ужасе мечется по мне и моим соратникам.

Я отрежу его язык, когда выберусь. Посмотрим, кому из нас будет весело.

– Да ты смеешься надо мной?

Издевательски поднимаю руки вверх, изображая капитуляцию. Медленно подхожу к дружиннику, не прерывая зрительного контакта. Шаг за шагом приближаю смерть.

Свою или его?

– За что ты подстрелил мой новый камзол? – Возмущаюсь, пытаюсь отвлечь внимание горе-стрелка. Единственный видимый глаз дружинника расширяется от удивления. Трава под ним окрашивается кровью. Под стать одеждам, символизирующим вражескую кровь, пролитую во имя царя и эфемерного спокойствия Райрисы.

Смешно. Единственная кровь, что должна быть пролита для мира в Райрисе – царская.

– Не то, чтобы новый, а снятый с трупа. – неуверенно поправляет меня Стивер. Рыженький паренек Ландау суетливо поднимает костлявые руки, следуя моему примеру.

– Так ты соврал мне? Никакой продавщицы не было? – говорю с притворным удивлением, оборачиваясь к своим поделщикам. Еще один выстрел. Дробь мчится, разрезая теплый лесной воздух, едва задев мою щиколотку. Жжение заставляет меня крепко сжать зубы и натужно улыбнуться.

Везучий. Сегодня моя нога останется со мной.

У такого строптивного полумертвого идиота есть лишь две дороги: мучительная смерть или наполненная страданиями жизнь, тропа, уготовленная будто бы специально для меня.

– А ты все не понимаешься, да?

Усмехнувшись, присаживаюсь на колени возле дружинника. Парень еле удерживает оружие в руках, не сводя дула с моей груди. Он в сознании, но силы покидают его тело слишком стремительно. Вместе с кровью.

– Тик-так. Тик-так. Часики тикают, собиратели душ уже в пути.

Кадык парнишки дергается. Он знает, что умирает.

– Амур. – Предостерегающе зовёт Хастах. Мое внимание целиком и полностью сосредоточено на оружии, находящемся в запредельной близости к сердцу. Дуло оставляет темные масляные следы пороха на дымчатой ткани.

Если он пристрелит меня – что изменится? Ничего.

– Где твоя смелость, солдат? – Тихо шепчу, проводя пальцем по холодному дулу ружья. – Чего ты боишься?

Зилим мнется, не зная говорить ли со мной. Уверен, что в детстве он слышал страшные истории о Демоне Трех Дорог, потому не спешит с ответом. Терпеливо жду, отмечая усиливающуюся дрожь в его руках, блеск слез в единственном видимом мне глазу, когда солдат глядит на мертвые тела дружинников. По лесной тропе проносится ветер, едва холоднее прогретого воздуха, но это не мешает волосам на затылке встать дыбом. Запах свежей травы и сладкий аромат цветов, вперемешку с тошнотворными нотками крови. Поистине атмосфера дома и уюта.

– Того, что *там* больше ничего нет. Смерти.

Подбородок Зилима дрожит. К единственному видимому глазу подступают слёзы. Плечи понуро опускаются и, некогда крепкая хватка, становится мягче и неувереннее.

– Смерти... – Певуче повторяю я, будто пробуя слово на вкус. – Знаешь, – медленно поднимаю дуло ружья пальцами, пока трясущиеся руки солдата цепляются за приклад и курок. – жизнь – сама по себе паршивая штука. Какая разница – когда? Итог всегда один. Барахтаешься или плывешь по течению, Смерть всё равно дождётся тебя. Уверен, ты заслуживаешь отдых.

Я отрежу его язык, когда выберусь. Посмотрим, кому из нас будет весело.

Две черные дыры, как две пустые глазницы, проскользнули по воротнику военной формы, оставив след пороха. Дружинник, словно обиженное дитя, всхлипывает, глотая слёзы.

– Пожалуйста, не надо.

Солдат хрипит, часто и поверхностно дышит. Из его груди воздух вырывается с булькающим свистом. Как закипающий на костре чайник. Руки его уже не слушаются.

– Моя мать...она умирает.

Идэр подходит ближе, подняв руки. Хастах недовольно цокает и принимается перебирать украденные у дружинников серебряники. Считает.

– Знаю, знаю. Почему-то у всех моих истязателей медленно и мучительно умирают родители или только подрастают дети.

У меня не получается скрыть нарастающее раздражение в голосе. Я аккуратно, едва ли не с нежностью, кладу свою ладонь поверх окровавленной руки моего мучителя.

– И все вы с радостью вели меня на эшафот, вспоминая о них лишь тогда, когда сами висите на волоске от гибели.

Тяжело вздыхаю, заправляя назад упавшую на глаза чёлку. Волосы закрывают мне весь обзор на доблестного служителя закона.

Я хочу видеть его смерть. Пора заканчивать со всем этим.

– Амур, – грубо влезает в нашу увлекательную беседу Катунь. – нам пора уходить.

Они портят все веселье. Невоспитанные грубияны.

Недовольно хмыкаю, и прочищаю горло.

А я только вновь ощутил вкус привычной жизни!

Солдат с замиранием сердца провожает единственным глазом каждый мой жест.

– Ладно. Последнее слово? – вопрошаю, изогнув поделённую пополам шрамом бровь, не ожидая ничего оригинального.

– Ты сдохнешь. – Ядовито бросает дружинник, мерзко улыбаясь. Кровь растекается по его зубам.

Ничего нового. Тривиальный зануда.

– То же мне новость. Мы все когда-нибудь умрем.

Я крепко сжимаю его руку. Зилим напрягается, из последних сил сопротивляясь мне. Слишком слаб, чересчур близок к погибели.

Самое главное в хорошем представлении – его своевременное окончание.

– Увидимся на той стороне, если она, конечно, есть.

Выстрел. Настолько близкий и оглушающий, что в первые секунды после него у меня звенит в ушах.

Может, я промахнулся и попал по себе?

Открываю глаза и понимаю, что ружье заряжено крупной дробью. От головы дружинника не осталось и следа, не считая кровавого месива на мне.

Пусть я не вырвал его язык, но было увлекательно.

Друзья замерли, смотря с отвращением. Идэр поднимает лицо к небу, шепотом вознося молитвы, Катунь морщится. Хастах недовольно отрывается от пересчёта чужих денег.

– Мне нужен сон, вино, кукурузный хлеб и баня, больше, чем раньше. И новая рубашка. – Добавляю я, поднимаясь на ноги. Сложно сказать кричу я или говорю шепотом. Уши заложило, и я едва разбираю слова Идэр:

– У тебя остатки Зилима в волосах.

Идэр обводит мой силуэт в воздухе тонким пальцем. Кольца блеснули, поймав луч солнца.

– Не только в волосах. – подмечает Катунь и Стивера тошнит прямо ему под ноги. Хастах прячет серебро в карманы своих брюк.

Стыдно признать, но я, кажется, скучал по ним. Но ещё больше я тосковал по возможности отомстить.

Мысли клубились в голове и их поток не иссякал ни на миг. Запястья окольцовывали сизые кровоподтеки, напоминавшие о нескольких месяцах заточения в Лощине. Помню лицо каждого, кто приложил усилие, чтобы превратить мою жизнь в преисподнюю. И я разберусь со всеми, кто приложил руку к моим истязаниям.

Есть две вещи, не имеющие срока давности: месть и справедливость. Вероятно, из-за того, что, по сути, это одно и то же.

– Амур, ты тут?

Вздрагиваю от голоса подкравшейся Идэр. Парни взбудоражено переговариваются между собой, радуясь тому, что совершили невозможное. Перебить три десятка солдат и десятерых заключенных – их первая победа за годы моих поисков. Но уже очень скоро алых плащей хватятся, и тогда охота на нас будет вестись повсеместно. У нас нет времени на промедления.

Идэр терпеливо ждёт моего ответа, но мне нечего ей сказать.

Я должен что-нибудь придумать, пока у нас есть возможность строить планы. Никаких опрометчивых поступков.

Мы могли бы бежать на Юг, затеряться на Болотах у Рваных Берегов, пока шум вокруг

моей персоны не утихнет.

– Амур, ты чего такой хмурый?

Опять отвлекают. Собираю остатки воли в кулак, напоминая себе, что я более не одинок.

Пора заново научиться работать в команде.

Стивер, едва заметно хромая, сравнялся с нами. Его кожа зеленоватого, болезненного цвета.

– Он всегда такой. – Влезает Идэр, подвинув от меня понурого мальчишку.

Откуда тебе знать какой я? Прошли года с нашей последней встречи.

Стивер обгоняет нас и пристраивается к Катуню и Хастаху, припрыгивающим впереди. У рыжего парнишки за пазухой виднеются мятые листы. Карта, нарисованная наспех, со смазанными буквами и схематичными деревьями. Идэр же остаётся рядом. С трудом держу все едкие комментарии при себе. Вдыхаю прохладный лесной воздух полной грудью. Вокруг витает приторный металлический запах, исходящий от останков солдата, размазанных по мне, словно паштет.

Свобода. Какое манящее и одновременно пугающее слово.

– Я скучала по тебе.

Идэр подлезает ко мне под руку. Дергаюсь в сторону, уворачиваюсь от неуместных объятий, словно от языков пламени. Наши взгляды пересекаются, и бывшая невеста виновато опускает голову. Я хочу накричать на неё. Выбить из неё дурь и раскричаться от бессилия, но лишь кратко киваю, указывая ей место. Не возле меня, а позади. Идэр покорно отстаёт и я остаюсь один. Извилистая тропа раздваивается, и мы идём западнее, оставляя позади себя дорогу в столицу. Не позволяю себе расслабиться, прокручивая одну и ту же мысль снова и снова.

На этот раз всё будет иначе.

Волосы слиплись и торчат в разные стороны, а кожу неприятно стягивает, словно на мне маска.

Умыться кровью, чтобы потом купаться в слезах Волгана Пятого не такая уж большая жертва.

Шли часы. Меня не терзали вопросами, за что я безмерно благодарен. Когда мы наконец-таки добрались до небольшой реки, то я занырнул в нее прямо в одежде.

Никогда не любил стирку.

Гладь блестит в лучах полуденного солнца. Я отгоняю от себя резные, местами пожелтевшие, листья берёз, опавшие в воду.

Разве сейчас осень?

Прохладная вода смывает грязь и ошметки тела Зилима. Выныриваю, обтирая лицо мозолистыми ладонями. Пальцы цепляются за рубцы. Отдергиваю руки и опускаю их в реку.

Еще никогда не чувствовал себя более живым, чем сейчас.

– Эй. – Окликает меня Идэр, стоя ближе всех к воде. Остальные в то время сбились в кучку, изучая карты под чутким руководством Хастаха. Его загорелые тонкие руки то и дело разлетаются в разные стороны, когда он, с пеной у рта, доказывает свою правоту Стиверу. Идэр выуживает из кармана солдатского одеяния маленький бежевый мешочек на завязках. Моя предательница достает темно-зеленую карамельку и бросает ее мне. Ловлю прямо перед тем, как та падает в воду и закидываю леденец в рот. Мята. Язык слегка немеет с непривычки. Поднимаю глаза на свою несостоявшуюся жену, цепляющую на уши серьги с

массивными яхонтовыми камнями.

Идэр очаровательно улыбается, пробуждая во мне отвращение к самому себе.

За неё которые я был готов убить и умереть. Но теперь кровь царя окропит мои руки только после того, как я избавлюсь от неё раз и навсегда.

Глава 2. Аукцион Инесса

Сейчас

Бывают моменты, когда чувствуешь себя ничтожно маленьким в огромном мире, до отказа набитом проблемами. Они цепляются друг за друга, и ты не можешь просто решить одну – на плечи их валится целый ворох. Мысли путаются и внимание с небрежной легкостью касается сотни неважных мелочей, но не того, что его действительно требует.

Соберись, не будь тряпкой – внушаю себе, обтирая липкие влажные ладони о джинсы. Руки предательски дрожат.

– Теории о существовании мультивселенной уже достаточно давно высказывались учеными-физиками. Николай Семенович Кардашев, специалист в области теоретической астрофизики, выдвинул теорию, что, если теория о существовании мультивселенной верна, то наиболее развитые цивилизации давно покинули привычную нашему пониманию вселенную и переселились в другие, более подходящие для их существования.

– Я бы тоже покинула эту убогую вселенную, будь моя воля. – недовольно бубню, зарываясь дрожащими пальцами в кудри.

Бодрая рыжеволосая дама в инвалидном кресле разглагольствует с таким воодушевлением, что становится тошно. Она напоминает гиперактивную мать во время очередного озарения.

Надо бы ей позвонить. Как-нибудь в другой раз.

Вздыхаю, измеряя шагами маленькую комнату, то и дело бросая взгляд на старенький телевизор. На экране и комодке толстый слой пушистой пыли.

Неплохо было бы обратиться до прихода хозяйки квартиры. Хотя, если приглушить свет, то это совсем необязательно. Она всё равно слепая как крот.

Небрежная и никчёмная – сладко тянет подсознание голосом отца.

– Прекрати отвлекаться.

Говорю вслух, будто это поможет. Щипаю себя за предплечья, до боли стискивая ногтями кожу.

Слишком нервная. Слишком много думаю. Слишком глупая, раз сама ввязалась во всё это. Слишком много «слишком» для одного человека.

Подпись внизу экрана: «Мирослава Краснова, ученый астрофизик».

Интересно, она одна из тех, кто с раннего детства хотел быть телеведущей, космонавтом или президентом? Помнится, я хотела вырасти большой, сильной и... стать сутенером. Не то чтобы я понимала, кто это, но перспектива работы в женском коллективе мне нравилась. Всегда любила компании девчонок.

Но вот мне двадцать два, я не прибавила в росте с девятого класса, а мой рабочий коллектив действительно женский, ведь я сама по-себе.

Мечты всегда сбываются не так, как бы мы этого хотели.

Ведущая широко улыбается, рассказывая о невероятных вещах, пока ее аккуратные ручки покоятся на бежевой папке. Гель-лак блестит в студийном освещении.

Если она говорит о том, что ей действительно интересно, то я завидую. Мне не

интересна моя работа. Её и работой-то толком назвать сложно.

Оглядываю свои пальцы с такими же острыми молочными ногтями и неудовлетворенно вздыхаю. При определенном освещении можно увидеть множество маленьких белых полос на кончиках пальцев. Шрамы, полученные во время неудачных вскрытий замков и форточек. Пульт выскользывает и с треском падает на затертый линолеум. Крышка отлетает в сторону и одна из батареек закатывается под диван.

Плохой знак, но благо я в них не верю.

Пиная пульт к дивану. Хозяйка квартиры придушит меня за свой старенький LG с двумя уродливыми проволочными антеннами, прикрученных черными шурупами к побеленному потолку. Я переключаю телеканалы, используя кнопки на самом телевизоре.

Уже совсем скоро.

Политика, войны, религия, мультфильмы. Декорации разнятся, на манеже всё те же клоуны.

Оставляю попытки найти что-то дельное и падаю на диван, издавая то ли сдавленный стон, то ли умирающий хрип.

– Квантовое самоубийство – мысленный эксперимент в квантовой механике, – вздрагиваю от неожиданно громкого мужского голоса. – где участник, попавший в смертельно опасную ситуацию, имеет лишь два предполагаемых исхода: жизнь или смерть.

Старенький диван скрипит, когда я подбираю под себя ноги. Меня ни коим образом не влечёт физика, но притяжение к экрану оказывается более чем реальным.

Роман Краснов... невероятно симпатичный темноволосый мужчина лет тридцати с пронзительными черными глазами чем-то смахивает на собаку. Улыбается в камеру так, что всё моё внимание приковано к его заостренным клыкам и идеально очерченным скулам.

Люблю собак. А вот с мужчинами как-то не клеится. Если на первый взгляд избранник идеален, то нужно либо посетить офтальмолога, либо поглазеть ещё разок. Всегда найдётся фатальный изъян, который изменит первое обманчивое представление.

Усмехаюсь, разглядывая телеведущего. Он говорит уверенно, без снобизма и я чертовски хочу, чтобы он не останавливался, хоть не понимаю ни слова.

– В данном эксперименте на участника направлено ружьё, которое стреляет или не стреляет в зависимости от распада какого-либо радиоактивного атома. Риск того, что в результате эксперимента ружьё выстрелит и участник умрёт, составляет пятьдесят процентов.

Прискорбно отмечаю кольцо на безымянном пальце правой руки, и нелепая улыбка исчезает с лица без следа.

Вот он – фатальный изъян, выстрел, разбивший моё сердце вдребезги. Кто знает, может в «следующей вселенной» мне повезёт больше?

Почему все шикарные мужчины либо геи, либо женаты, ибо выдуманные?

Бросаю взгляд на часы. Прошло всего пять минут.

Хоть бы атом распался и меня пристрелили.

Вздыхаю. Тик-так. Тик-так.

– Если ружьё выстрелит, то в результате каждого проведенного эксперимента вселенная расщепляется на две, в одной из которых участник остается жив, а в другой погибает. В мирах, где участник умирает, он перестает существовать.

– Логично. – заключаю с видом эксперта, скрестив руки на груди.

Давай, Инесса, займи свою пустую голову чем-то умным.

– И если многомировая интерпретация верна, то участник может заметить, что он никогда не погибнет в ходе эксперимента.

Зато я вот-вот откинусь от скуки. Мама, гордись мной, я – физик.

Ты – ничтожество – подаёт голос воображаемый отец. Самое отвратительное во всём этом – его правота.

– Участник никогда не сможет рассказать об этих результатах, так как с точки зрения стороннего наблюдателя, вероятность исхода эксперимента будет одинаковой и в многомировой, и в копенгагенской интерпретациях. Одна из разновидностей этого мысленного эксперимента носит название «квантовое бессмертие». В этом парадоксальном эксперименте предсказывается, что если многомировая интерпретация квантовой механики верна, то наблюдатель вообще никогда не сможет перестать существовать.

Глаза лезут на лоб от обилия страшных слов.

Зря я прогуливала физику в школе. Если бы её преподавал Роман Краснов – клянусь, я бы прописалась в кабинете!

Хватаюсь за пульт и тыкаю на все кнопки подряд. Он не работает без батареек. Встаю и переключаю каналы на самом телевизоре.

Я не сразу замечаю, что вернулась на канал с хорошенькой ведущей. Девушка тепло улыбается, будто всё это время ждала моего появления, воодушевленно рассказывая:

– Модель мультивселенной была впервые предложена советским физиком Антоновым. С начала двухтысячных годов концепция мультивселенной всерьез рассматривается в связи с изучением природы темной энергии.

Зеваю, лишний раз чувствуя себя неотесанной дубиной. Привычное для меня состояние. Болтаю ногами в воздухе, как ребенок.

– Если опираться на теорию струн и многомировую интерпретацию квантовой механики...

Ну уж нет, хватит с меня унижений!

Встаю перед зеркалом, в сотый раз проверяя инвентарь, скрытый в жилете под однотонной черной толстовкой. Принадлежности скорее условны, чем необходимы, ведь дело на которое я иду, по сути, не сулит никакой опасности.

Но я паникую.

Жилетка из плотной ткани хранит в своих потайных карманах набор универсальных отмычек и ключей, сделанных своими руками, верёвку, фонарик, складной нож, небольшую аптечку, если я вдруг получу травму, петарды на особый случай.

Всё пройдет отлично.

Я заплела длинные волосы в две косы, обрамляющие лицо и болтающиеся у лопаток, словно змеи. Говорят, темный цвет старит, но чересчур серьезное лицо, что смотрит на меня из зеркала, не выглядит старше семнадцати.

Никто ведь не заподозрит ребенка?

Прячу волосы под кофту и натягиваю патлатый темно-рыжий парик, украденный мной на рынке. Аккуратно закрепляю его невидимками, несколько раз больно кольнув голову. Облик изменен почти до неузнаваемости. Теперь мне шестнадцать, и я фанатка группы Тату.

Стать мастером перевоплощений в безликой России не составляет труда, но я все равно сомневаюсь.

Ничто не должно мне помешать.

Наводка неподробна, если не сказать, что очень условная. Но я доверяю человеку, что

уже ни раз делал мне подобного рода *одолжения*. Старик никогда меня не подводил. Деньги сближают лучше любви или секса, во всяком случае, отсутствие финансов более ощутимо, и действительно заставляет меня грустить.

Я уже делала это раньше.

Лучше всего я умею врать и воровать. Нарушать закон – первое, чему учатся люди, на чью долю выпало родиться не в столице. Москва, со всей ее бурной жизнью, остаётся одной из тысячи баек, которыми кормят провинциальных детишек, за чьим деревянным окном полторы улицы и Дом культуры, являющийся местом сходимости всех бомжей и наркоманов района.

Инесса, соберись.

Глаза находят простенький циферблат на оклеенной обоями стене. Небольшая толстая стрелка наконец доползает до пяти.

Пора.

Накидываю светло-коричневую ветровку поверх толстовки, натягиваю капюшон и на негнувшихся ногах бреду к входной двери.

Духота.

Окно на втором этаже будет открыто. Окажусь в тупиковой части коридора, в слепой зоне от камеры. Там же стоит электрощиток, который мне нужно выключить. О резервном питании позаботились за меня. Вниз по лестнице, на площадке между первым этажом и подвалом есть дверь для персонала. В пять часов сорок минут местный охранник будет смотреть свои политические передачи по федеральному каналу, до прихода дамочки. Пересменка в шесть. У них нет телевизора, потому пенсионер, обзаведшийся планшетом благодаря внукам, не заметит отсутствия света. Если, конечно, он не будет держать его на зарядке. Сменщица опоздает минут на тридцать. Мой соучастник выкроит мне немного времени, задерживая дамочку. Если никто ничего не поймет, то в моем распоряжении будет около получаса, что уже – неслыханная наглость. Нельзя разбрасываться драгоценным временем. Я должна уйти так же, как и пришла, закрыв за собой окно и включив питание.

Мало ли – почему камеры выключились, может, плановый ремонт – утешаю себя.

Склад – отличное место для грабежа. Если сам аукцион хорошо охраняется, то с пристанищем вещичек до мероприятия дела обстоят гораздо хуже. Впервые рада разгильдяйству, присущему нашему народу. Патриотизм в таких делах моё первое имя, потом уже Инесса.

Маршрутка, набитая до отказа, дергается по разбитой дороге и меня начинает подташнивать. Может, от нервов. Пытаюсь отвлечься мыслями о матери, живущей в двухстах километрах от столицы.

Это не только для меня.

Свежий деревенский воздух. Разбитая подъездная дорожка, ведущая к недавно отремонтированному фасаду деревянного домика. Доски, коими обшили старые, потемневшие от времени, бревна, щедро выкрашены лазурной краской. Мы сняли уродливые и покореженные наличники и поставили большие пластиковые окна. Таких нет ни у кого в селе и мать страшно этим гордится. В двери, правда, пришлось сделать маленький лаз для кошек, лишившихся форточек. Мать обожает своих рыжих пушистых гадов настолько, что содержит пятерых на свою скромную пенсию по инвалидности.

Почему человеку, лишенному возможности работать, оказывают столь малую помощь? Какого порядка они хотят, если не могут его обеспечить? Что было бы, если бы изувеченная

мать осталась одна?

Даже наличие дочери не сильно ей помогает. Я училась днем, пока, ночами напролет, горбатилась в грязной разливайке за МКАДом. Я совру, если скажу, что мне там нравилось. Напротив. Я ненавидела эту работу, хоть она и стала единственной надеждой в череде неудач, что я претерпела.

В каждом пьяном посетителе я видела отца.

Невысокого и лысеющего, с животом и неизменной щетиной. Он никогда не был доволен. Ни мной, ни матерью. Я замечала его затуманенный алкоголем взгляд во всех гостях чахлой пивнухи. Особенно, когда начинались драки. А их было нельзя избежать.

Непроизвольно вздрагиваю, припоминая, как менялось его лицо: от беспомощно умиленного, до неконтролируемого шторма агрессии, выливавшемся наружу рукоприкладством и бранью.

Пару месяцев назад мы перекрыли крышу.

Чешу шрамики, оставшийся от неудачного падения со стропил на старый шифер. В тот день я зареклась, что больше никогда не сделаю ничего противозаконного. Как убежденная неверующая я разглядела в этом падении знак свыше.

Мое прозрение длилось недолго. Сегодня я снова сделаю то, за что заслуженно получу по шапке. Если не от вселенной, то от полицаев точно.

Поэтому, быть пойманной не просто плохой вариант, а не вариант вовсе.

Я – самая обычная девушка на прогулке – твержу себе, но не верю ни единому слову.

Выхожу за две остановки до нужной и вальяжно прогуливаюсь между серыми многоэтажками.

Как люди вообще ориентируются в Москве?

Бетонные муравейники загородили едва припекающее весеннее солнце.

Это в последний раз. Клянусь. В последний. Да, именно так.

Подхожу к нужному дому. В нем всего два этажа. Покатная алая крыша блестит новизной. Засовываю руку в карман ветровки и достаю оттуда бледно-голубую пачку сигарет и зажигалку.

На оборотной стороне коробочки из тонкого картона яркая картинка, заключенная в рамочку. Кровь, какие-то трубки и большая надпись черными буквами «Страдание».

– Я не верю в знаки.

Нервно сглатывая новость откуда образовавшийся в горле ком.

Помни для чего всё это.

Пробираюсь мимо деревьев, высаженных вдоль склада. Неумело поджигаю сигарету и зажимаю ее губами, не куря. Ветви клёнов усыпаны почками. Бросаю взгляд на часы на левой руке. Ремешок потрескался. Половина шестого. Перебираю ногами и отворачиваюсь от камеры при входе, будто прячусь от ветра, пока постукиваю по сигарете, стряхивая пепел. Со мной равняется пара школьников. Класс, может, одиннадцатый. Они стреляют по сигарете, и мы втроем сворачиваем за угол. Надеюсь, при просмотре для полиции я сойду за одноклассницу. Случайно вдыхаю едкий дым, заворачиваю за угол, к пожарной лестнице. Мальчишки проходят вперед и исчезают в дверях ближайшего подъезда. С трудом сдерживаю кашель и сбрасываю ветровку и парик в пожухлые серые кусты. Воздух пропитан запахом мочи и прелых листьев. Кругом куча мусора: пивные бутылки и разноцветные жестяные банки, пустые пачки из-под сигарет и чипсов и бесчисленное множество окурков. Пытаюсь почесать голову через косы, но ничего не выходит. Подворачиваю простенькие широкие

джинсы и смотрю на грязно коричневые гаражи, поросшие ржавчиной и прошлогодними листьями, гниющими на крышах. Кругом ни души.

Разве не идеальное место для тайного курения малолетней девчонки?

Подпрыгиваю и хватаюсь за шершавую лестницу. Отталкиваюсь ногами от расписанной граффити стены.

Маленький рост усложняет задачу. Кто вообще крепит пожарные лестницы так высоко?

Подтягиваюсь, игнорируя боль в мышцах.

Ну почему я бросила спорт? А начинала ли?

Забираюсь на первую ступень и поднимаюсь выше. Грязно-белые жалюзи показываются из открытого окна. До него около метра. Упираюсь носами кроссовок в криво сваренный стык между ступенькой и водосточной трубой. Протягиваю руку, пытаюсь ухватиться за угол рамы, но касаюсь ее лишь кончиками пальцев.

– Черт. – шепчу, вставая на ступеньку поудобнее.

Маме нужно вылечить кота. Я обещала привезти ей хлебопечку. Нужно купить лекарства от её вечных болей в суставах. Она достойна лучшей жизни после всего, что ей пришлось пережить.

Отталкиваюсь от лестницы и повисаю на деревянном подоконнике. Белая краска растрескалась и больно впивается под ногти. Поднимаю тело и заползаю, переваливаясь внутрь. Пыхчу, давясь еще холодным воздухом. Руки горят огнем, а ткань водолазки, надетой под жилет, прилипает к телу от пота, как вторая кожа. Поправляю жалюзи, пытаюсь высмотреть кого-нибудь на улице, но там пусто. В окнах близлежащий домов тоже никого.

Конечно, ведь нормальные люди в это время на работе!

Оглядываюсь по сторонам. Серые стены тупика выглядят как больничные. Зловеще. Подхожу к щитку, висящему совсем близко, и, открыв дверцу с громогласным «Не влезай! Убьет!», выключаю каждый из нескольких десятков переключателей.

Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Вскоре коридор, что раскинулся передо мной, полностью лишенный окон, погружается во тьму. Тусклый дневной свет подгоняет меня в спину. Я быстро иду вперед, опираясь одной рукой о холодную отштукатуренную стенку. Тело переполняет адреналин, иначе не могу объяснить внезапно охвативший меня приступ уверенности в своей безнаказанности. Стараюсь шагать бесшумно, чувствуя пыль со стены на пальцах. Тьма впереди стужается. Лестница. Едва не убиваюсь на первой же ступени, когда нога соскальзывает в пустоту. Я лечу вперед, но, в какой-то момент все же ухватываюсь за перилла. Меня мотает то вперед, то назад. С трудом удерживаю рот на замке и обхожусь без воплей. Замираю, тяжело дыша и прислушиваясь. На миг мне кажется, будто я уже умерла. Кругом непроглядная темнота и настолько тихо, что у меня перехватывает дух.

Последний раз и мне больше никогда не придется этого делать.

Продолжаю идти, замедлив шаг. Я оказалась на узкой площадке между вторым и первым этажом. Где-то совсем недалеко слышится телевизор. «Обстановка на севере ухудшается. Из-за землетрясения пострадало свыше двухсот человек.» Иду на звук и вновь чуть не падаю со ступеней, но вовремя отскакиваю назад.

Закрывать дверь на ключ.

Достаю его из кармана и до боли сжимаю в руке. Каждый последующий шаг тише предыдущего. Звук телепередачи все громче, а значит я – ближе к своей цели. Голоса телеведущих скрипучие и надменные. Впереди, из небольшой щели между полом и дверью

виднеется легкое сияние.

Запри его. Скорее.

Приоткрыта. Плохо. Всего на пару сантиметров, но я едва не взываю от досады.

«Гуманитарная помощь была отправлена незамедлительно. Власти региона выразили благодарность нашему президенту, отметив, своевременность и оперативность...» Медленно прикрываю дверь, затаив дыхание. Миллиметр за миллиметром. Она не издала ни единого звука. Запираю ее на ключ, оставив его в замочной скважине. Быстро шагаю по лестнице вниз. Ноги подкашиваются от страха вперемешку с радостью. Состояние на грани истерики. Цокольный этаж. Двигаюсь наугад в темноте подвала, пока не вспоминаю о фонарике в кармане. Белесый луч пляшет по стенам, натываясь на межкомнатные двери со вставками из стекла посередине полотен. Случайно натываюсь на нужную мне, едва припоминая нарисованный на салфетке план подвала.

Надо было изучить бумажку более детально.

Отпираю замок одной из самых незамысловатых отмычек.

Всё не может быть так просто.

Воздух пыльный и сухой. Луч света рассекает мрак, попадая на деревянные ящики и сейфы, растянувшихся внушительными рядами вдоль стен. На каждом из них маркировки из букв и цифр. Взгляд бесцельно мечется между белыми бумажками с непонятными обозначениями. Иногда на глаза попадают совсем громоздкие вещи, бережно накрытые бежевой тканью. Наверное, мебель.

– Я это сделала. – не веря самой себе шепчу, истерично усмехаясь. Дальше все как в тумане: вскрываю сейфы и ящики набором самодельных отмычек и судорожно распихиваю увесистые старые украшения по карманам. Камни блестят в свете фонарика, а их обрамление из драгоценных металлом приятно позвякивает руках. Не вычурные идеально огранённые бриллианты, как в ювелирных. Крупные рубины, шпинель чуть меньше глазного яблока, морганит в форме сердца карат на пятнадцать, сапфиры, изумруды, такого глубокого болотного цвета, что глаз не оторвать. Лица с картин, приставленных к стенам и сейфам, глядят с презрением.

Я бы присмотрела себе парочку для спальни, но меня не интересует искусство. Я родилась не в том времени и не в том месте для этого.

Опьяненная ощущением победы я позволяю себе ненадолго расслабиться. Все заканчивается, когда я слышу шаги на лестнице.

Так не должно было быть.

Человек спешит, чертыхаясь. Мужчина. Шаг тяжелый. Незнакомец либо высокий, либо грузный.

Беги.

Сердце проваливается в пятки, а слюна встает комом поперек горла. Прикрываю дверцу сейфа настолько тихо, что собственное дыхание кажется оглушающе громким. Металл холодит кончики вспотевших от паники пальцев, когда я бросаюсь вперед, протискиваясь между коробками и ящиками. На середине пути мне приходится выключить фонарь, чтобы не привлекать к себе внимание.

Может, это просто обход? Внеплановый. Такое бывает.

Я пытаюсь успокоиться, предельно осторожно огибая предметы. Кровь шумит в ушах.

Тупица, и кто же устроит обход, если я заперла дверь?

Ноги то и дело встречают препятствия, к счастью, настолько тяжелые, что я не роняю их

с грохотом на пол, а лишь больно ударяюсь сама. Когда мои ладони упираются в громадину, накрытую тканью, внутри трепещет надежда.

Вдруг всё еще обойдется.

Нырнув под полотно, наощупь нахожу пару ручек и замочную скважину. Кажется, это шкаф. Дверцы с резьбой, гладкие и не обработаны скользким лаком. Дрожащими руками впихиваю отмычку в замок.

Чем ближе незванный гость, тем скорее мне придётся поплатиться за то, что я сделала. Мне придётся расплатиться за всё.

Крутанув кусок плотной изогнутой проволоки вправо, понимаю, что это не замок. Во всяком случае, скважина пуста. Без какого-либо механизма. Прячу отмычки в карман и те предательски звенят, ударяясь друг об друга. Дернув на себя витиеватую металлическую ручку, я со всей силы врезаюсь лбом в открывшуюся дверь.

Черт бы тебя побрал!

Тупая боль растекается от лба вниз, по щекам. В крошечной тьме перед глазами пляшут искры. Как звёзды. Или лампочки на ёлке. Жалобно скуля, заваливаюсь внутрь. Торопливо прикрываю за собой дверцу, до боли вцепляясь ногтями в древесину. Кроссовки скользят, когда пытаюсь поджать под себя ноги. Дверь не закрывается до конца.

Ну же, Инесса! Просто закрой эту проклятую дверь!

Притягиваю колени к груди и прижимаюсь боком к внутренней стенке шкафа. Дверца закрывается сама. Прячу лицо в ладони. Голова раскалывается от боли.

Охранник – чахлый дед. Я смогу его обдурить. Нужно только успокоиться.

В ту же секунду незванный гость открывает дверь в зал, слегка закашлявшись. Его неторопливые шаги отдаются эхом в голове. Всё ближе и ближе.

Он идёт сюда? Он идёт сюда. Он, черт бы его побрал, идёт сюда!

От страха или, быть может, от удара головой, всё идет кругом. Едва подавляю рвотные позывы и зажмуриваюсь, будто закрыв глаза я могу обезопасить себя от поимки.

Я не считаю себя хорошим человеком, идущим на преступление во имя благой цели. Скорее, позором, разочарованием. Помогать матери можно было сотней других способов, но я выбрала путь наименьшего сопротивления. И куда он меня привёл?

Пожалуйста, умоляю, спасите меня! Всё не может вот так глупо закончиться!

Вдыхаю запах старой древесины. Шкаф кажется мне всем: до конца неотремонтированным домом матери, подгнившей баней, поеденной жуками, пыльным диваном в съемной однушке. Он – моя клетка и моё спасение, всё, что у меня было и чего больше никогда не будет. Открываю глаза и едва не взвизгиваю от страха. Прямо передо мной блеснуло лицо. Моё перекошенное от ужаса лицо, отраженное в зеркальной дверце шкафа.

Глава 3. На каждого зверя найдется клетка Амур

Сейчас

Прошла всего пара часов, как солнце скрылось за горизонтом. Осенний день короток. В промозглой темнице мне казалось, что из-за холода время замедлилось. Тянулось, как вязанный кафтан, которого так не хватало, и было хрупким, как первая наледь.

Но свободе мир ощущается иначе. Быстрее.

Стуча зубами, я не успел опомниться, как стемнело. Глубокое дыхание сопровождается клубами пара, лениво растворяющимися в иссиня-черном небе, усыпанном звездами. Яркими, как огонь в ледяном взгляде матери, что разгорался всякий раз, когда она слушала о моих достижениях. Может, это была гордость.

Идэр украдкой шепнула, что этой ночью боги разожгли сияющую россыпь в мою честь, но я-то знаю, что это не так.

Те боги, которых я знал, либо мертвы, либо предпочли забыть обо мне.

Свобода. Сладкое слово, легкое как воздух и опасное, как ядовитая змея, принятая за ужа. Идэр отстаёт от Катуня и Хастаха, хихикающих впереди и равняется со мной. Почему все мои мысли о гадких и скользких тварях всегда приводят сознание к её образу?

– Как ты?

Прекрасно. Всё ещё чувствую тот нож, что ты так любезно вонзила мне в спину.

Гляжу под ноги, игнорируя взгляд несостоявшейся жены, грозящий прожечь во мне дыру. Обиды обидами, но я ещё успею свернуть ей шею, а пока придется приспособливаться.

– Расскажи, что произошло за время моего...отсутствия.

Идэр спотыкается, а я не предпринимаю ничего, чтобы подхватить её. Девушка валится наземь. Иней хрустит под длинными тонкими пальцами, униженными кольцами. Она оглядывается через плечо. Останавливаюсь, стиснув кулаки глубоко в карманах.

Может размозжить её прекрасную темноволосую голову прямо сейчас?

Идэр тянется ко мне, но я игнорирую её немую просьбу о помощи. Стою, как вкопанный, медленно цедя воздух через зубы. Холодный ветер путается в волосах, скрывая лицо моей невесты за тонким алым капюшоном. Он развивается и трепещет, как языки пламени на сквозняке. Как кровь, запачкавшая наши руки по локти. Катунь оборачивается.

– Ты всё-таки её грохнул?

– Очень смешно. – фыркает Идэр, поднимаясь самостоятельно. Хастах подталкивает Нахимова, и они ускоряют шаг. Стивер обгоняет меня и присоединяется к ним. Три фигуры размываются в темноте всего в паре косых сажений. Идэр отряхивает иголки с солдатского одеяния и заговаривает. Голос её спокойный и сдержанный, как и всегда.

– Вячеслав Воронцов Пятый затянул удавки на шеях неудобных князей, когда огласил решение перенести столицу на север. Семьи Раннсэльв, Иден, Гуриели и Муониэльвен потеряли влияние, которым обладали. Они тебе не помощники. Если и остались недовольные князьки щенки, то они забились глубоко в норы.

– Князя – мертвы?

– Сложно сказать. Знаю точно, что всю семью Иден постигла страшная участь. Остался лишь Калитв, да и то его дело на рассмотрении в Совете.

Заметив моё замешательство Идэр, пояснила:

– Из тайной канцелярии.

Я знаю о ком речь. Просто был не готов это услышать. Тайная канцелярия десятилетиями была моей темной лошадкой, даже до того, как я задумал оборвать жизнь царевича. Все, на чью поддержку я мог уповать – превратились в чернозём, на котором вырастит хлеб для стола убийцы.

– Асква, так скажем, потеряла привычный тебе облик. Сейчас там пусто. Мор и Безумие добились тех, кто остался. Столицей стал Святой Град Дождя, но, думаю, ты об этом знаешь.

Кратко киваю, прислушиваясь к холодному тону Идэр. Оплакивала ли она князей, что целовали ей руки на банкетах во дворце, или же попросту пожала плечами, узнав о их гибели, как это было со мной?

– С запада повалили безумцы. Точнее, то, что источник заразы – владения графа Крупского, мы узнали не так давно. Говорят, в Соль привезли заразу с чужбин. Но я думаю, что проблема кроется в том, как люди отвернулись от богов...

– Безумцы? – недоверчиво переспрашиваю я, перебив Идэр. Легкий пиджак не спасает от ветра, пробирающего до костей. Последнее, что я желаю слушать – проповедь. Тем более от неё.

– Люди, потерявшие себя. Они злые и не понимают, что происходит. Земли, на которые они ступают, очень скоро пропитываются крестьянкой кровью. Безумцы умерщвляют всех без разбора и сами походят на живых мертвецов. Те, кто выживают после их нападков... претерпевают изменения, слетают с катушек.

Я слышу каждое её слово, но всё равно никак не могу отделаться от одной-единственной мысли, заглушающей остатки здравого смысла.

Убей её. Она разрушила твою жизнь.

Голос в голове не принадлежит монстру. Он мой. Холодный, расчетливый и от того до безобразия убедительный. Я мог бы задушить Идэр прямо здесь. Она бы расцарапала мои предплечья, в попытках отцепить мои руки от своей шеи, как это было с её сестрой по вере. Кончики пальцев, огрубевшие от тетивы стрел, ощущали бы каждый удар её сердца: сначала оно бы ускорило из-за страха неминуемой гибели, а потом бы замедлилось. Медленнее и медленнее, пока совсем не остановится. Её синеющие губы раскроются в немой мольбе о пощаде пока глаза, до того двигавшиеся в хаотичном порядке по моему лицу, остекленеют и застынут.

Она наконец-то оставит меня в покое. Навсегда.

– Амур?

– Вы и без меня неплохо справляетесь с развалом царства. – сдержанно отвечаю я, пряча ладони, дрожащие от предвкушения, в глубокие карманы брюк. Кажется, что пиджак их уже не удержит.

Волна негодования захлестывает меня с головой. Идэр ускоряет шаг, замечая, как я вскипаю, словно котелок на костре.

Как бы отвратительно не было это признавать, богобоязненная дура знает меня лучше моих друзей, которые всегда были скорее коллегами и увеселительными мероприятиями, когда я скучал, бегая за царём, словно тень.

И я знал её, но не настолько хорошо, чтобы предугадать предательство.

Идэр не умела читать, но знала божественные писания наизусть. Было что-то особенно забавное в том, как девушка водила пальцами по страницам с незнакомым текстом

антирелигиозной литературы, ища знакомые буквы. Находила ли она то, что выискивала – вопрос, ответа на который я никогда не узнаю.

Она часто врала мне по пустякам, но я не обличал её в этом. Мне нравилось слушать её голос и то, как она заполняла собой каждую минуту молчания, наполненного неловкостью.

Пропасть, между нами, всегда была почти осязаемой.

Идэр – дочь грязного беженца и глупой райриской женщины, брошенная на воспитание в храм Богини Смерти. Я рос с дворянкой-матерью, помешанной на власти и обучении. С ней я полюбил контроль и, по этой же причине, Идэр заняла моё сердце. Её было слишком легко контролировать. Она – пережиток прошлого, когда девы были более зависимы от мужчин. Селенга Разумовская – самая сильная и волевая женщина, которую я знал. За одно это я ненавидел её так же сильно, как восхищался. Не удивительно, что мать никогда не видела в Идэр равную мне. Она просто не могла принять мой выбор. Селенга часто говорила, что я нуждаюсь в той, кому по силам не просто противостоять мне, а без труда указать мне место. Я не слушал её. Смеялся за спиной. Зачем мне та, которую я не смогу контролировать?

Но было ли дело лишь в безропотной покорности Идэр, или же матери удалось признать в ней предателя раньше, чем мне?

Ведь всё-таки Идэр была мне ближе всех.

Провожу ладонью по лицу. Бугристые шрамы на левой стороне лица напоминают мне о прошлой жизни, где я был счастлив. Обо мне, которого больше нет. Воспоминания приняли форму уродливых рубцов.

– Привал через пару часов. Я просто подумал, что тебе будет интересно... – спотыкаясь обращается ко мне несуразный мальчишка Стивер Ландау. Я даже не заметил, как он подкрался. Он походит на жеребенка, впервые поднявшегося на ноги. Мечется туда-сюда без дела. Выющиеся рыжие волосы выбились из хвоста, завязанного на затылке. Стивер крепко обхватил свернутые желтые листы, прижимая их к своей груди. Костлявые пальцы с разбитыми костяшками дергаются, словно перебирают невидимые струны.

Мальчишка нервный и дерганый. От таких часто бывают одни неприятности. Но он умён, раз смог вытащить меня.

– Они нашли твою сестру?

– Нет. Мы до сих пор не уверены была ли она на самом деле...

– Мы разберемся с этим чуть позже.

– Всё в порядке, я понимаю. – смиренно улыбается он, пожимая жилистыми плечами.

Киваю, обращая лицо к ветру.

Ничего он не понимает, но разговор уже закончен.

Парнишка бросил свою привычную жизнь, чтобы вытащить меня из-под стражи. Это стало негласным согласием, клятвой, связавшей нас, пока не исполню обещание, от которого так старательно отрекся, пока был на свободе. Однажды я уже отказал ему в поисках сестры, но теперь не располагаю такой возможностью.

Это дело чести. Когда она потрепана, выбора уже не остаётся.

Меня, в отличие от остальных, никогда не посещали муки сомнений в правильности выбранного пути. Наверное, это сделало меня неоспоримым лидером. Пускай каждый новый план сомнительнее предыдущего, но я никогда не ошибался.

Мать часто говорила: «гордыня тебя погубит». Но время шло, семьи не стало, а я все еще хожу под звездами.

Сегодня Катунь и Хастах мои поводыри. Я плетусь за ними, словно слепой котёнок. Но однажды я снова прозрею и тогда мир содрогнется от перемен.

Тогда

Просыпаюсь. Голова разрывается от боли. С трудом открываю глаза, чувствуя, как ноет искореженное лицо. Во рту песок, отвратительно скрипящий на зубах. Поднимаюсь и сажусь, разглядывая колодец изнутри. Высотой в пять, а то и шесть цепей, он заканчивается каменным ободом наверху. Подо мной сырая земля. Шарю рукой и натываюсь ладонью на что-то острое. Предмет сильно царапнул кожу. Аккуратно поддеваю и подношу к лицу, чтобы разглядеть получше. Свет почти не проникает в самый низ, потому мне приходится постараться, чтобы разглядеть находку. Передо мной предстает осколок нижней челюсти с частично оставшимися на месте зубами. Отбрасываю кость, и та с глухим звуком ударяется о каменную стенку, отскакивая в сторону. Меня прошибает холодный пот. Поднимаюсь на ноги и весь мир, стесненный круглыми стенами колодца, шатается, словно я нахожусь где-то на корабле в бескрайнем море, а не гнию в подземелье. Впервые меня накрывает приступ удушающей паники. Я вытягиваю руки перед собой и вижу, как они трясутся в полумраке моего нового пристанища.

Я не могу умереть здесь. Только не тут.

Сверху появляется фигура в темной одежде. Мужчина, насмехаясь, наклоняется над колодцем, сложив руки за спиной.

– На каждого зверя найдется клетка.

Я не могу скрыть отчаяние. С размаху бью стену ладонями, с губ срывается отчаянный вопль. Кожа горит в местах соприкосновения с камнем. Еще раз. Второй, третий. В ушах эхом отдается хриплый смех главы тюрьмы. Иййоки Вижас Сабун, создатель клочка преисподней на земле, собственной персоной.

Видел его всего пару раз, когда служил царю. Мы ужинали в банкетном зале скромной компанией, и я едва не засыпал лицом в салатнице, когда Сабун проповедовал старую сказку на новый лад. В его видении он был героем, спасающим мир от отребий. Зазнавшийся выродок создавший пыточный муравейник в скале, где когда-то высекли храм для поклонения Смерти. Свечей и молитв здесь больше нет, но человеческие жертвы остались в чести.

Мужчина бросает что-то вниз, и я чувствую, как это маленькое нечто шевелится совсем поблизости. Писк. Крысы. Он скинул ко мне пару крыс! Подавляю рвотный позыв, поднимая лицо вверх. Встречаюсь глазами с главой Лощины, видя победное выражение его лица, тронутого густой серебристой щетиной.

– Я тут подумал, раз ты возомнил себя охотником, то на обед тебе нужна дичь.

Сейчас

Мы добираемся до деревни с первыми лучами рассветного солнца, окрасившими небосвод в светло розовый цвет. Прислонившись к дереву, я разглядываю едва заметные домишки среди стройных стволов сосен. Нас разделяет небольшая полоса леса в полмили.

Остывший воздух выходит из носа небольшими облачками пара.

– Что с погодой? – Задаю давно гнетущий мой разум вопрос, откидывая волосы со лба. Идэр, сидевшая на холщовом мешке поблизости оживилась. Девушка все еще одета в военную форму.

– Они оживили Катерину и Константина. Забыла сказать вчера.

Я могу скрыть удивления. Как такое вообще можно забыть?

Какое-то время я просто молча разглядываю собеседницу, ожидая признания во лжи. Идэр, хоть и выглядит воодушевленной, не спешит раскрывать больших подробностей.

– Оживили? – переспрашиваю, не веря собственным ушам. Вероятно, со стороны я кажусь невежественным глупцом, незнающим значения слова «оживить», но меня это мало волнует. Катунь и Стивен подвинулись ближе, прислушиваясь к разговору. Парни упорно делают вид, что увлечены зачисткой оружия.

– Я видела их своими глазами на Северо-Востоке. Живые. Более чем.

Лицо восточной девушки выглядит по-глупому блаженно. Губы растянулись в фанатичной улыбке, присущей любому верующему человеку, когда речь заходит о религии.

– Хочешь сказать, наши маленькие боги вернулись? – с усмешкой уточняю я, ощутив давно забытый энтузиазм. Он, вновь пробудился, даруя мне сил и уверенности, которые слегка истрепались в свете последних новостей о массовых казнях князей. Возвращение единственных, кто мог противостоять царю и всей действующей власти мне на руку. Прекрасно иметь в должниках пару ныне оживших богов. От этой мысли невольно улыбаюсь.

– Именно. Катерина, говорят, слегка впала в беспамятство, но это лишь слухи.

Катерина всегда была костью поперек горла. Моему удивлению не было предела, когда царь Воронцов Пятый вдруг начал возводить в честь девушки храмы и заставил своих шутов писать о ней баллады. Рыжая никому не нравилась при жизни, но стоило ей двинуть кони, так стала предметом обожания.

Все любят мучеников, кроме самих мучеников.

– Погода испортилась полгода назад. Ну, как испортилась... слетела с катушек напрочь. – вмешивается в разговор Катунь, подпирая голову руками. Его бледно-розовые ладони будто светятся на фоне темной кожи. Нахимов еще прошлым вечером сменил легкие обноски на серый шерстяной кафтан, едва сходящийся на мускулистых плечах. Бусины на его сваленных волосах звякают, вторя словам парня.

– Она постоянно меняется. – Поправляет здоровяка Хастах, внезапно вышедший из-за ближайшей сосны. Восточный парень выглядит довольным тем, что ему удалось подкрасться к нам незамеченным.

– Выбрал? – нетерпеливо уточняет Идэр, поднимаясь на ноги. Катунь и Стивен следуют ее примеру. Хастах кратко кивает в знак согласия, и мы спешим за шустрым парнем, юркнувшим меж деревьев. Он провёл нас вдоль деревушки, держась от нее на приличном расстоянии. Она оказалась гораздо больше, чем предполагалось. Я не успевал следить за подбочившимися строениями, сменявшимися друг друга по мере нашего следования. Добравшись до конца улицы мы, по одному, приблизились к небольшому ветхому домику, стоявшему чуть поодаль от соседних. Тот, что должен был располагаться поблизости сгорел, оставив после себя несколько головешек на закопченном фундаменте. Предо мной предстал домишка в один этаж высотой. Пробираюсь за полусгнивший забор из маленьких кольшков, накренившихся внутрь запущенного двора. Облетевшие яблони перекосило, часть ставней отвалилось от окон, обнажая рамы, скалящиеся разбитыми стеклами, словно клыками.

Симпатичненько.

– Добро пожаловать, Амур! – чуть громче, чем следовало, голосит Нахимов, раскидывая руки в стороны, представляя все великолепие полуразвалившейся хибары. Катунь широко улыбается, клаца белыми зубами. – Баню не обещаю, да и вина тоже нет, но ты имеешь прекрасную возможность занырнуть в таз и напиться горячки, как в старые добрые времена.

Я усмехаюсь, закусывая губу. Не в силах отвести глаз от поросшей мхом черепицы на двускатной крыше, чешу подбородок. Щетина колет пальцы. Стивер хихикает, натягивая вязанную шапку на покрасневшие уши. Идэр переминается с ноги на ногу, бросая критичный взгляд то на Хастаха, выбравшего ночлег, то на убогий дом.

– Смех смехом, а нора кверху мехом. – недовольный бас друга заставляет прокатиться по телу волну приятного тепла. Может, я никогда не найду себе пристанище, но они – мой дом и от этого никуда не деться. Его реплика заставляет Идэр недовольно цокнуть, скрещивая руки на груди.

– Не неси сквернословной пурги! Закрой рот!

– Золотце, если в монастыре твой рот закрывался только таким образом, то мне искренне тебя жаль.

Моя предательница издает недовольный стон и опускает голову. Бронзовое лицо скрывается за копной длинных темных волос.

Вот я наматываю блестящие пряди на кулак, собирая их по шелковой простыне. Убираю под платок, подаренный младшей сестрой. Заплетаю в косы вместе с расшитыми бисером лентами.

Странное чувство. Вроде и человек тот же, но теперь вызывает совершенно иные эмоции.

– Я ел сырых крыс. Тазиком меня не напугать. – улыбаюсь Катуню, идя ближе к нашему временному пристанищу.

– Они шевелились во рту, когда ты их жевал? – не скрывая отвращения уточняет Хастах, двигаясь ближе ко мне. Наличники на окнах облупились и облезли, но я замечаю выцветшую на солнце краску цвета спелых яблок. Хибару слегка перекосило от времени и отсутствия ухода, но, в целом, она не так уж и плоха.

– Сырых – не значит живьем. – поправляю я, уверенно шагая вперед. Остальные, не спеша, следуют за мной. Промерзшая трава хрустит под подошвами.

– Уверен, крысы звали тебя и умоляли о пощаде. Как тебе спится по ночам? – Хастах желчно обращается к Идэр, намекая на её запятнанную репутацию.

– Сдохни.

– Только после тебя.

Игнорирую пререкания за спиной. У меня появился шанс всё исправить. Поступить правильно. Расчётливо и с холодной головой.

За спиной слышатся голоса:

– Может мы уже наконец закопаем эту пакость? – недовольно бубнит Хастах.

– Ты о Идэр или остатках ужина недельной давности в твоём мешке? – глумится Катунь.

– Вы – невыносимы!

Идэр вихрем пронесется мимо меня. Взбегает по лестнице, и алая ткань солдатской одежды всполохами исчезает за покосившейся входной дверью. Усмехаюсь, наблюдая за тем, как старый развалившийся дом, словно свирепый хищник, сожрал мою предательницу живьем.

Ещё немного и я избавлюсь от неё. Отомщу за всё, что она сделала.

– Может не надо было так грубо?

Стивер равняется со мной и виновато опускает голову. Катунь подходит со спины и обнимает за плечи сначала мальчишку, а потом меня.

Здесь тихо, но совсем не так, как в Лощине. Умиротворяюще. Спокойно. За годы заключения я слишком привык к одиночеству, но мне трудно представить миг, где я буду более счастлив, чем сейчас. Катунь молчаливо достаёт сверток и протягивает его мне. Рву бумагу и на ладони оказывается золотой компас, инкрустированный рубиновыми цветами. У меня перехватывает дыхание. Переворачиваю компас. На обратной стороне хорошо знакомая мне гравировка.

Никогда не сбивайся с пути и компас выведет тебя к свету. Он приведёт тебя ко мне.

Провожу по витиеватым буквам пальцем. Не думал, что увижу его снова. Катунь печально улыбается и хлопает меня по плечу.

– Кажется, ты потерял. Она была бы недовольна. – неуверенно говорит Нахимов, поджимая губы. Сжимаю компас и прячу его в нагрудный карман. Ближе к сердцу.

Он прав – Селенга Разумовская была бы недовольна. Как, впрочем, и всегда.

– Больше не теряй. – добавляет Катунь. Стивер опускает голову. Этот разговор явно не предназначен для чужих ушей. Хастах выскакивает вперед и разводит руками:

– Ну чего застыли? Пойдём уже!

Ну, здравствуй, свобода, я вернулся для разрушений.

Глава 4. Боги, что предпочитают слушать молча Идэр

Тогда

Ветви хлещут по лицу. Босые ступни, исцарапанные и исколотые ветвями, немевают. Уже не больно.

Дождь давно прошёл, оставив за собой густой туман и проблески ясного неба, среди тяжелых туч. Этот вечер мог быть одним из тысячи, что я провела в доме Разумовских. В моём доме. Спокойным. Среди вещей Амура, моих драгоценностей и терпкого запаха парфюма, которым пользуется Селенга. Я могла быть в постели под персиковым балдахинном, среди десятка подушек, обтянутых шелком, разглядывать свечи с их недвижимым пламенем, стремящимся ввысь.

– Прости...прости, прости, прости меня!

Кричу я небесам, глумящимся между елями и соснами. Голос срывается на хриплый кашель. Слёзы закончились. Холодный ветер пронизывает до костей. Мокрая ночная сорочка прилипает, заключая в ледяные объятия.

– Это всё, потому что я отвернулась от вас? Поэтому вы прокляли меня?

Ответа не последовало. Как и всегда. Боги предпочитают слушать молча и отворачиваться в тот момент, когда ты в них больше всего нуждаешься.

Сейчас

Прогуливаюсь мимо лавок торговцев. Запах рыбы и свежееиспеченных пирогов окутывает торговую площадь, заманивая немногочисленных покупателей. В памяти невольно возникают образы столицы. Ее богатых домов, магазинчиков с украшениями и шикарными одеждами, лавок с духами и театров. Все это развеялось прахом с падением Асквы. В Граде Дождя побывать не удалось, да и, надеюсь, не придется.

Это будет мое последнее путешествие.

Мощёные улицы с полуразваленными двухэтажными домишками привели меня на небольшой рынок. Серые и зеленые палатки, одна за другой, сменяют друг друга на моем пути. Речные города почти не отличаются друг от друга. Безликие, как и их обитатели.

Как мы, пришедшие сюда, чтобы затеряться.

– Красавица, посмотри, какая рыбка! – кричит мускулистая женщина в грязной косынке, но я продолжаю свой путь не оглядываясь. Галдеж торговцев, привлекающих редких покупателей, давит не хуже камня на сердце.

Слишком много людей. Чересчур громко.

В потемневшем от времени деревянном ведре шевелится несколько темных длинных тел. Сомы выплеснули половину воды, от чего их скользкие жирные спины торчат на воздухе, извиваясь. Сворачиваю на узкую извилистую дорогу, параллельную длинной площади. Тишина. Долгожданная и от чего-то такая же гнетущая, как и атмосфера рынка. Оборачиваюсь, панически ища глазами слежку.

Никого. Вообще никого.

Крепко вцепившись в гладко выструганную ручку, продолжаю свой путь без промедлений.

Дружинники могли позабыть обо мне.

Лгунья.

Опять я вру себе сама, в бездарных попытках успокоиться. Конечно, они вспомнят, не найдя моего тела среди полёгших солдат. Моё лицо будет красоваться на каждом столбе во всех грязных городишках царства.

Прислушиваюсь к каждому шороху травы и скрипу ставней, дрожа под порывами холодного ветра.

Озноб означает, что кто-то прошел по моей будущей могиле – так всегда говорила мать-настоятельница, сердце собора Спаса на Крови, в центральной Райрисе.

Моя единственная мама.

С раннего детства я отличалась от остальных. Темноволосая и загорелая в отличие от бледных и конопатых детишек средней полосы. В приюте при Спаса на Крови я нашла себя и своё единственное предназначение – служить Богам. Новым и Старым.

Я просыпалась с молитвой на устах, с ней же и проваливалась в сон. Агуль всегда была внимательна к монахиням и даровала им то, что по какой-то причине отняли у нас боги – семью. Она рассказывала о послушницах – монахинях, которые дослужились до того, что боги сами являлись к ним, даруя возможность проповедовать их слово. Эти рассказы даровали мне смысл трудиться в познании книги Святых. Там рассказывалось о Смерти – главном божестве. Богиня над богами.

Поначалу это привело меня в ступор, но потом мать-настоятельница разъяснила, что никакое божество жизни, если бы оно и появилось, не превзошло бы своим могуществом Смерть. В конце концов, мы все когда-нибудь покинем этот мир и станем доказательством того, что Смерть всегда побеждает. Каждое мгновение жизни, будь оно счастливое или нет, просто приближает нас к концу.

Агуль любила рассказывать о Грехах, семи приближенных Смерти. Каждый из них имеет по несколько приспешников, облачающихся в вид, привычный человеческому глазу, и бродящих по свету, склоняя людей на сторону зла. Ими она пугала нас, когда мы были совсем юными, чтобы оберегать от неверующего люда вне церкви.

Если Агуль и была права насчет Грехов и их приспешников (в чём я ни на миг не сомневаюсь), то с одним из них мне посчастливилось встретиться лично. Позже он едва не стал моим мужем.

Дойдя до небольшого двухэтажного домика в конце улицы я мотаю головой по сторонам. Никого. Юркаю в проем, где должна была быть калитка и мелкими перебежками, держась тени деревьев, добираюсь до порога. Преодолеваю три ступеньки в один шаг и глубоко дышу, чувствуя, как остатки воды выплеснулись из ведра на ноги. Мокрые штанины облепили икры. Холодно. Пошарпанная дверь тихонько скрипнула и закрылась за моей спиной. В нос ударяет запах крепкого алкоголя.

Чревоугодие их побери.

Стянув кожаные сапоги, я неспеша прохожу по узкому коридору с голыми бревенчатыми стенами на кухню. Маленькая комната с низкими потолками наполнена сизым дымом. Тихий, хриплый смех Амура. Катунь, сгорбившись в три погребели, сидит в главе стола и жуёт сухой хлеб, запивая его из железной кружки. Хастах уселся на дощатом полу, зло поглядывая на Стивера, занимавшего место между темнокожим громилой и Амуром, некогда спасшим и,

одновременно, сломавшим мне жизнь.

Давно я не слышала его смеха. Кажется, вечность.

– Вы что, пьете? – рычу я, уже коря себя за то, что любопытствовала. Парни переглядываются, ехидно улыбаясь. Конечно, они пьют.

– Иван-чай. – Безэмоционально отвечает Амур, делая глоток коричневой жижи из стеклянной банки. Во второй его руке сигара. На не истлевшем куске бумаги ещё виден кусок карты. Мой жених вальяжно сидит на скамейке, пока его ноги, в черных кожаных ботинках, лежат на обеденном столе. Рядом с хлебными корками, что не доел Катунь.

– Тогда почему так воняет горючкой?

Сбрасываю плащ и ставлю ведро на неровный пол. Сомы чуть не вываливаются мне под ноги. На плечо приземляется серый шмоток гипса. Побелка со стен печи почти целиком отвалилась, оставшись лишь в швах между кривенькими глиняными кирпичами. Унылое местечко. В самый раз для преступников в бегах.

– Это кофе с горючкой. – Брезгливо морщится Стивер, поправляя медные кудри. Он старательно скрывает как некомфортно ему среди нас. Старательно, но недостаточно.

Семейства Ландау было примером жизни истинных праведников. Госпожа Ландау посещала Спас на Крови как собственный дом. Подносила щедрые пожертвования, играла на свирели на службах по воскресеньям. Даже когда её муж погиб на границе. Она без устали продолжала нам помогать, поддерживала прихожан. Пока над ней не совершили жестокую расправу.

Праведники любят сплетни не меньше грешников.

– Мы празднуем. – Поднимая чашку вмешивается Хастах.

Отмахиваюсь от дыма. Я пожалею об этом, но все же спрошу.

– И какой же повод?

– Амур живым выбрался из передраги, из которой это сделать было невозможно.

Я недовольно хмыкаю, скрестив руки на груди. Холод от золотых цепей приятно щекочет кисти рук.

– Тогда можем смело отправляться в запой, ведь он постоянно делает невероятные вещи.

Разумовский болтает коричневую жижу в банке. Она омывает прозрачные стенки, покрытые мелкими трещинами, словно паутиной. Веселье стирается с его обезображенного лица, оставляя лишь тень улыбки.

Забавно, как время меняет людей. Амур никогда не был другим, но, тем не менее, то, что было, между нами, будто происходило в прошлой жизни. Он никогда не был особенно нежным или учтивым, но то, во что он превратился я просто не узнаю. Тихий и мрачный. Жестокий. Где-то там, глубоко внутри он должен был остаться тем парнем, ради которого я бросила всё. Или не должен? Что если Лощина изменила его навсегда? Смогу ли я вернуть всё назад?

– Разделайте рыбу. – мой тон больше звучит как приказ. Говоря это, я вновь задерживаю взгляд на возлюбленном. Амур был бы не рад этому, если б видел. Но он не удостоил меня вниманием.

Разумовский нехотя мотает головой в мою сторону и Катунь подскакивает на ноги. Они понимают друг друга без слов. Подхватив ведро, Нахимов вооружается ножом и, комично виляя бедрами, без единого звука исчезает в узком коридоре.

– Идэр, расскажи пожалуйста, как все прошло? – Учтиво обращается ко мне Стивер. Парнишка вежлив. Слишком вежлив, чтобы стать одним из нас.

– Хорошо. Никого не встретила. Кажется, у нас есть ночь в запасе... – не успеваю договорить, меня раздраженно перебивает Амур:

– Выдвигаемся сегодня на закате.

Он оставил половину напитка в банке и поднялся из-за стола.

О, нет, только не дорога.

Я надеялась, что мы задержимся здесь на какое-то время. Может, я бы смогла всё исправить до того, как двинемся дальше. Мы не виделись несколько лет. Нам просто необходимо провести время вместе и всё прояснить!

– Может останемся? Всего на одну ночь? – умоляюще лепечу я. Мой жених недовольно цокает и покидает кухню, оставив мою просьбу висеть в воздухе.

Какое унижение.

Стивер смотрит с жалостью. Бледный, как тень, он допивает то, что осталось в банке Разумовского. Ландау корчится и только потом на его лице возникает вымученная улыбка.

– Приготовьтесь. Собирайте шмотки. – цежу сквозь зубы, поправляя золотые цепи на шее.

Не хватало еще ударить в грязь лицом перед этими дураками.

Хастах скалится в своей тошнотворной манере. В его руках почти истлела сигара, но он не спешит курить.

В который раз меня обижает наше очевидное внешнее сходство. Мы можем сойти за кровных родственников. Особенно, в Райрисе, полной бледного народа.

– А разве это не бабское дело?

Я улыбаюсь, прилагая все усилия для того, чтобы это не походило на гримасу.

– Дорогой, у тебя не будет женщины, пока ты зовешь нас бабами.

Катунь хихикает, переступая порог кухни. В ведре всё ещё извиваются тушки рыб, но теперь их скользкие головы лежат отдельно от тел. Хастах высокомерно задирает нос, отпивая горючку из чашки. Спешу в другую комнату, боясь услышать вдогонку то, на что не смогу так резво ответить, как это сделал за меня Нахимов.

Например:

«Люби его сколько влезет, но это не сделает его обязанным питать к тебе такие же чувства.»

«Ты жертвуешь жизнью ради него, а его самым большим желанием все равно останется прикончить тебя.»

Тогда

Сидя под клёном, я рассматриваю сочный резной лист, устанный светлыми прожилками. На потрескавшихся губах чувствуется кислый вкус незрелых яблок, съеденных на завтрак. По спине бежит пот. Расстегиваю верхние пуговицы черной рясы и выпускаю немного воздуха под воротник.

Амур исчез без следа. Там, на болотах у Рваных Берегов. Один. Что если он пострадал? В тех землях множество хищников. И Бесов.

Сердце ноет при одной мысли о том, что мы никогда его не найдем. Мареву. В лучах палящего летнего солнца впереди показалась длинноногая фигура. Молодой мужчина быстро двигается в мою сторону. С каждым шагом его силуэт просматривается все отчетливее.

Медные волосы горят всеми переливами огня на голове. Парень закатал штанины выше колен и зацепил их булавками. Его бледная и худощавая грудь кажется прозрачной в ярком свете полуденного солнца.

– Добрый день.

Учтивый. Как мило.

Поднимаюсь, вздыхая. От жары голова идёт кругом. Карман оттягивается к земле под тяжестью сувениров, что я украла.

– Я – Стивер Ландау. – парень пожимает костлявыми плечами и отводит взгляд в сторону. – Мы знакомы с Амуром Разумовским. Бегло, но всё же. Он отказался помогать мне в поисках сестры, но, думаю, если мы найдём его, то он мог бы пересмотреть своё решение.

Янтарные глаза уставились с выжиданием.

Раз пришел, то согласен мне помочь.

– Где остальные?

– Здесь.

Раздается басистый голос позади. Оборачиваюсь. Высокий темнокожий парень поправляет цветные бусины на волосах. Катунь Нахимов – лучший друг моего Амура. Единственный, за исключением Стивера Ландау, кто не желает мне мучительной смерти. Рядом с ним его собутыльник, настолько похожий на меня, что я и сама не раз задавалась вопросом, могли ли мы быть родственниками.

– И с чего нам стоит начать?

Хастах презрительно фыркает.

– С того, что у нас получается лучше всего – ограбим и без того неимущих. – с гордостью горит Нахимов, потирая здоровенные розовые ладони.

Мне определено не нравится то, как он доволен. Это не предвещает ничего хорошего.

– Церковь? – Закатываю сползающие рукава рясы. Плотная ткань не пропускает ветер, создавая под собой парник. Хастах мерзко хихикает.

– Конечно. – Подтверждает Катунь, явно довольный произведенным эффектом. – Монастырь святого Владимира. – Уточняет он, упиваясь. Меня распирает от злости. Стивер не скрывает изумления и как глупая собака таращится на всех по очереди, крутя головой.

– Мы ограбим монастырь?

– Не мы, а Идэр. – недовольно поправляет Хастах. Его серая рубаша и широкие штаны колышутся на теплом ветру. Катунь кивает.

– Нет.

Я говорю твердо. Содержимое потайного кармана того и гляди прожжет ткань, лишь бы показать всем, что я уже наделала.

Я обворовала Спас на Крови. Я обворовала свою мать-настоятельницу! За одно это Смерть должна оставить мою грешную душу вечно скитаться в поисках успокоения.

Катунь недовольно поджимает пухлые губы.

– Как знать, может там ты заслужишь прощения Амура. – протягивает Хастах, брезгливо оглядывая служебные одежды. Просторная ряса становится тесной. Воротник душит, вцепившись в шею.

Я подвела их. Я всех подвела и мне не хватит жизни чтобы расплатиться с долгами.

Моя приемная...единственная мать никогда не отпустит мне такого предательства. Но, с другой стороны, Амур может меня простить. Всё будет как раньше. Больше мне ничего не надо. Я даже готова вернуться в монастырь, откуда пару часов назад утащила золото, лишь

бы это приблизило меня хоть на шаг к искуплению перед любимым. Вероятно, Агуль уже обнаружила пропажу и нам давно пора бежать закапывать себя ещё глубже.

Поступиться своими принципами ради любви – не это ли истинное желание заслужить прощение?

Глава 5. Можно без имени Стивер

Тогда

Недостаточно хорош. Можно без имени. Так бы выглядело надгробие Стивера Ландау, единственного сына военного врача и учительницы музыки при дворе.

Сейчас

Чертежи и бесконечные списки заполнили дощатый пол. Сажу посреди бумаг, нервно оглядывая листы в поисках нужного. Теплые солнечные лучи греют спину, заставляя выпрямиться. Рыжая кошка лениво потягивается, царапая листы. Мама без ума от комка шерсти и даже назвала её чудаковато – Катей. На все возражения и аргументы в пользу того, что это глупо, она виновато опускала взгляд и замолкала.

Кошку мы так и не переименовали.

В небольшой комнате царила тишина, нарушаемая изредка доносящимися песнопениями матери. Музыкальный слух редко её подводит, но менее странным от этого исполнение не становилось. Она родом с юга близ Рваных Берегов, тамошний говор отличается от того, как звучит речь в средней полосе, не говоря уже о землях княжества Гуриели, где мы поселились после смерти отца. Невольно устремляю свой взгляд на инструменты, лежащие на столе. Свирель, гусли, балалайка и совершенно неведомое в здешних землях изобретение. Виола со смычком. По форме инструмент напоминает крупную грушу с веточкой. Смычок же представляет собой натянутый на хитрое приспособление конский волос, делающий конструкцию отдалённо похожей на охотничий лук. На подоконнике забытая чашка иван-чая, остывшая настолько, что темная вода покрылась пленочкой. Через дверной проем в комнату вбегают два котенка, играя. Катя поднимается и нехотя плетётся к своим детям. Хватаю чернильницу и убираю ее с пола на стол, так же забросанный бумагами.

– Стивер, солнце, время обеденное. – зовет мама. Вздыхаю и поднимаюсь на ноги.

Нужно обдумать каким образом я бы мог сконструировать новое поколение чего бы то ни было, что приведет меня к должности главного дворцового чертёжника.

Когда мама проходит в комнату, то первым делом в глаза бросается посеревший оттенок кожи. Рыжая копна вьющихся волос поредела в пару раз. Локоны шмотками прилипли к щекам и плечам. Я отшатываюсь к противоположной стене. Чертежи и наработки мнутся и рвутся под ногами. Мать улыбается, обнажая полу разорванный рот и обломки зубов. Щеки кусками свисают, когда из ее рта тонкой струйкой вытекает серая вода, вперемешку с вязко кровью.

Комната наполняется сладким гнилостным запахом плоти и водоема, где я нашел ее в таком состоянии пару лет назад.

Просыпаюсь в холодном поту. В комнате слышится мерное дыхание Катуня Нахимова. За годы вместе я привык к его компании, хоть и ранее мне никогда не приходилось делить с кем-то спальню. Переворачиваюсь на спину, протирая ладонью лоб. С трудом припоминаю

дорогу до привала и смотрю в открытое окно. Небо на востоке уже розовое. Рассвет наступит в течении ближайшего часа. Сажусь в кровати и чувствую, как тонкие доски прогибаются под моим весом. Простыни смяты и влажные. Отбрасываю вытертое одеяло и опускаю ноги на прохладный пол из утоптанной земли. Катунь, лежащий на таком же хилом лежаке в аршине от меня, открывает глаза.

– Чего не спишь, малец?

Его и без того грубый голос в полумраке звучит угрожающе. Я потираю шею, разглядывая здоровяка. Его темная кожа ярко контрастирует со светлым постельным бельем. Сваленные в змеек волосы, унизанные бусинками, разметались по подушке. Его ноги почти до половины свесились с небольшой кровати, хоть он и лежит.

– Думаю. – отрываюсь я, чем вызываю тихое хихикание. Нахимов ложится на бок и с выжиданием глядит на меня. Я молчу какое-то время, прежде чем Катунь заговаривает вновь.

– Ты постоянно думаешь.

– Это проблема? – скрещиваю руки на груди. Собеседник задумывается на мгновение дольше обычного. Меня поражает то, что он, кажется, вообще может соображать.

– Да, когда мысли заставляют тебя скисать на глазах.

Катунь отворачивается, накрываясь периной с головой, тем самым оголяя ноги до колен. Это самый высокий человек, которого я когда-либо видел. И финалист конкурса «Самый странный убийца и варвар всех времен и народов Райрисы». Странностей ему и вправду не занимать.

Один из Псов Разумовского – так его знает широкая общественность, осведомленная обо всех ужасах, что Амур сотворил с царевичем. Катунь совсем не похож на злобную гончую. Он веселый и жизнерадостный, пока не берется за ружье. Или лук. Или просто не начинает ломать шеи и откручивать головы, раздавая комичные комментарии. Его шутки смешные, но то, что он делает, когда издевается над своими жертвами – бунт против всех норм морали.

Но мне ли его судить?

Мысли возвращаются к изуродованному телу матери. Пытаюсь отвлечься и перестать ощущать запах разложения, но увязаю в воспоминаниях с головой.

– Расскажи мне.

В голосе Нахимова нет уже привычной мне насмешки. Большие черные глаза уставились с выжиданием.

– Рассказать? Что?

– Тебя что-то мучает. Поделись и станет легче.

Нахимов разминает крепкие руки и хрустит пальцами. На нем нет такого обилия шрамов, как на Звере, но это не мешает ему выглядеть устрашающе.

Как Амур.

Теперь для меня он сообщник и нет повода трепетать всякий раз, боясь произнести его настоящее имя, ставшее за несколько десятилетий нарицательным к беде.

– С чего ты взял?

Катунь устало потирает глаза, прогоняя сон. Он никогда не злится. Во всяком случае, по-настоящему. За годы, что мы провели вместе, вычисляя пути, которыми Алые Плащи водят заключенных, он никогда не срывался. Катунь мог рваться в бой с боевым кличем, а потом ужинать зажаренной на палке белкой, не смыв с себя чужую кровь. И сегодня он крайне терпелив. В отличие от Хастаха.

Катунь хрустит всем, чем только можно: шеей, коленями и даже спиной. Гончая Разумовского разваливается на глазах.

– Может к врачу? – пытаюсь сменить тему я. Безуспешно.

– Ты видел нашего штопанного красавчика? – догадываюсь, что речь идет о Амуре. Но «штопанный красавчик» используется ещё и как ругательство, обозначающее подлатанное средство контрацепции, сделанное из кишок. – Это я его шил. Я не врач, но вдруг я попаду в руки к такому же любителю кройки и шитья?

Тело непроизвольно дёргается, а руки покрываются мурашками. Нахимов усмехается, довольный произведенным эффектом.

– Давай так, ты говоришь, что мучает тебя, а я расскажу тебе какой-нибудь свой секрет?

Обреченно опускаю голову. Я ничего не потеряю, если скажу ему. Может, даже узнаю что-то важное.

– Мне снилась мама. – выпаливаю как можно скорее, чтоб не успеть передумать. Нахимов хмурится. На левой брови белеет небольшой шрам.

– Так в чем проблема?

Правая нога трясётся и колено подскакивает. Вверх-вниз. Этого мало, чтобы прекратить нервничать. Катунь бегло оглядывает мою кровать, делая вид, что не замечает того, как я цепляюсь пальцами в матрас, сжимая его до боли в костях.

– Ты не понимаешь.

– Я и не пойму, если ты продолжишь молчать.

Глубоко вдыхаю. Пыль оседает на языке. Начинаю рассказ, пряча глаза за растрепавшимися кудрями:

– Я нашел её тело вниз по течению, в половине дня ходьбы от нашего дома. Ее кожа уже начала вздуться в теплой воде. Она плавала на мелководье, лицом вниз. Волосы, те, что убийца оставил, солнечными змеями колыхались вокруг.

Поднимаю глаза лишь на пару секунд, но и их хватает, чтобы заметить замершего собеседника. Катунь наклонил голову набок, и даже звякающие змеи из волос недвижимо повисли в затхлом воздухе.

– По бесцветной голой спине и плечам ползали мясные мухи. Помню, как хватал ее за одежду, пытаюсь затащить в лодку. Ее блестящие волосы клоками оставались на пальцах, спутывая их меж собой. Я вылез из лодки, оказался по грудь в воде. Когда я перевернул маму, то буквально почувствовал, что значит фраза «сердце споткнулось». Казалось, что мир сам по-себе споткнулся и перевернулся с ног на голову. Они изуродовали её лицо.

Раньше она была так похожа на меня. Как отражение. Произнести это вслух мне не хватило сил.

– Кому это могло быть выгодно? – Нахимов натягивает штаны, игнорируя существование нижнего белья. Отворачиваюсь.

Лучше поздно, чем никогда. Почему он не носит белья?

– Не знаю.

Не то чтобы я не думал над этим вопросом. Думал. И много за все эти годы, но без толку. Мой скудный ум не переваривает ничего больше, чем нотная тетрадь и горстки расчетов.

– Ты не пытался найти убийцу? – буднично интересуется он, застёгивая манжеты на мятой серой рубашке. Как и все вещи она для него немного мала. Ткань обтягивает широкие плечи и крепкие руки.

Руки убийцы.

– Надеюсь, господин Разумовский сможет помочь мне и в этом.

Нахимов замирает на последней пуговице и усмехается своим мыслям. Едва заметно качает головой и, сдавшись под натиском своей невоспитанности ласково тянет:

– Амур из-под земли достанет ответы на *все* твои вопросы.

Меня удивляют его слова. К Разумовскому у меня всего две просьбы и все, как к поисковому бюро. Найти убийцу матери и сестру, которая может и не существовать. Могут ли его слова значить, что моя сестра кормит червей?

Нахимов затягивает ремни кожаной перевязи. Крепит пару небольших ножен с торчащими из них блестящими ручками. Он не мечется по комнате. Все его движения четко выверены: шаг к стулу, где ранее вечером была бережно оставлена сумка с патронами, три шага к кровати, под которой лежит ружьё.

– Занимательно. Кстати, насчет расплаты... Тебя поселили спать со мной не потому, что я храплю.

Нахимов зевает. Лениво, словно большой старый кот. Не суетится, когда перезаряжает ружье и взвешивает его в руках.

– Почему тогда?

– Потому что под влиянием горючки я могу начать приставать.

Повисает неловкая тишина. Неловкая только для меня. Катунь хихикает, прогуливаясь мимо.

– А причём тут я...?

Когда до меня доходит что он имел ввиду, Катунь игриво подмигивает и скрывается в коридоре. Сглатываю ком в горле и хлопаю влажными ладонями по ногам и груди.

Что я делаю? Ищу следы...инородного вмешательства? Глупость какая.

И всё же тело напрягается и разум вместе с ним. Если бы Нахимов и *пристал* ко мне, я бы это понял.

Ведь понял бы?

Неопытный в делах любовных я не держал в руках ничего тяжелее свирели. Определять было ли что-либо – дело гиблое. Я просто не знаю, что искать.

Натягиваю ботинки на протертые носки и покидаю спальню. В узком коридоре темно. Этот дом не имеет ничего общего с тем, где я вырос. Южане живут просторнее. В наших хижинах много света и окон, обрамленных воздушными, как морская пена, занавесками. Нам не нужны громоздкие печи, чтобы отапливать дома. Небольшого камина в общей комнате хватает чтобы с лихвой обогреться весь зимний сезон. Пару лет назад я увидел свой первый снег. Отец часто бывал у северных границ и рассказывал мне о нём. Однажды он даже видел Кроноца из семейства Раннсэльв, властителя Крайнего Севера. Правда, побывать на его землях отцу так и не удалось. Не успел.

Почему Катунь встал с постели без белья?

Проклинаю себя за то, что задаюсь этим вопросом. Опираюсь на стену, дабы не упасть в кромешной тьме коридора. Кухонная арка ослепительно сияет впереди. Когда я вхожу, то не чувствую ничего кроме дыма. Он, туманом, окутал лавки и единственного, кто сидит за столом. Над моими чертежами. Разумовский задумчиво оглядывает бумаги, аккуратно перебирая их в руках. Его темные волосы торчат в стороны, будто он едва проснулся. Или не засыпал. Свежевыбритое лицо сделало его гораздо моложе, чем он казался вчера. Шрамы подчеркивают острые черты лица.

Легенда.

Я могу сдерживать улыбку, наблюдая за тем, как, без всякого преувеличения, самый известный человек Райрисы перебирает мои научные труды. Своими руками. С ума сойти!

– Ты еще долго будешь зыркать? Сядь. – недовольно хрипит Амур, не отвлекаясь от схемы построения механизма, обеспечивающего передвижения колесницы без участия лошадей. Я усаживаюсь напротив, с трудом унимая нервную дрожь в кончиках пальцев.

– Доброе утро. – слова прозвучали по-идиотски сбивчиво. Разумовский неохотно отрывает глаза от бумаг и оглядывает меня с нескрываемым недоверием. Расправляю плечи, пытаюсь впечатлить цареубийцу.

– Доброе. – его высокомерный тон сквозит недовольством. – Рассказывай. – скорее приказ, чем просьба. Ерзаю на лавке, вытирая вспотевшие ладони о плотную ткань штанов.

Я так ждал и одновременно боялся этого момента, что, когда он наступил, не чувствую ничего, кроме страха опозориться.

Амур Разумовский, Демон Четырех дорог – единственный, кому под силу помочь мне. Мой последний шанс, к которому я очень долго не решался прибегнуть. Солдатам было плевать. Никто не стал даже создавать видимость поиска виновного. Тогда я переметнулся от доблестных героев к самым презренным злодеям.

Амур отложил мою тетрадь в кожаном переплете и на его лице проскользнула усмешка.

Бледный, как Луна, он не похож на человека. Во всяком случае, живого. Может, виной тому байки о кровожадном Демоне, которыми кормят непослушных детишек?

– Идэр говорит, что ты собрал всех. – Пауза. Разумовский потирает рубец на переносице. Он продолжает нехотя, выдавливая из себя каждое слово. – Проси, что хочешь.

– Это шутка? – не в состоянии скрыть удивления таращусь на Зверя. Он, в свою очередь, устало потирает нижнюю челюсть, где заканчивается ещё один шрам.

Ему будто...некомфортно находиться рядом со мной. Может, мне показалось? Я ляпнул лишнего? Или Нахимов мерзко меня оболгал?

– Ты сыграл ключевую роль в том, что я на свободе. Скажи, когда надумаешь.

Зверь, Демон трех дорог, Амур – предложил мне выполнить любое пожелание, потому что он *должен мне*.

С ума сойти!

Щеки горят, и нога сама собой дергается под столом. Мужчина откидывается назад и опирается спиной о бревенчатую стену. Его взгляд заметно потеплел.

– Как много времени прошло?

Задумываюсь лишь на пару секунд. Разумовский устало прикрывает глаза.

Он здесь, совсем рядом. Мой самый большой страх. Цареубийца. Мятежник. Самый близкий друг царский семьи. Мой последний шанс найти ответы на свои вопросы.

– Пара зим. Может, тройка.

Амур молчит. На нём тот же костюм, что я снял с усохшего старика несколько Лун назад. Катунь заставил меня разорить могилу! Родители бы сгорели со стыда, если бы узнали, чем занимается их подающий надежды сын.

Это был мой первый опыт в раздевании иссохшего трупа (да и покойника в принципе) и, надеюсь, последний.

Рубаха и смоляная жилетка чистые. Пиджак лежит рядом на лавке, аккуратно сложенный и ещё сырой. От Разумовского пахнет мятой и мылом. Мне показалось, что он уснул, пока Зверь не прохрипел:

– Крупской жив?

– Живее всех живых. – нехотя признаю, отмечая новую перемену в фарфоровом лице мужчины. Брови слегка выгибаются, а уголки губ ползут вверх, обнажая ровные белые зубы.

– Ну, это не на долго. – ухмыляется Демон и я ему верю.

Глава 6. Сделка с Демоном Инесса

Тогда

Пытаюсь поднять руки, но ничего не выходит. Нет веревок, сдавливающих кисти. Только слабость. Вязкая, удушающая, грозящая утащить в небытие. Справа раздаётся недовольный голос. Что-то между тихим пением и бормотанием. Меня охватывает паника. Старуха сгорбилась над миской. Узловатые пальцы вцепились в каменную ступу. Серые волосы распущены. Гладкие блестящие пряди спадают серебряным водопадом до поясницы. Пучки сухой травы под потолком наталкивают воображение на интересную мысль.

Ведьма.

Заметив моё пробуждение, старуха откладывает приготовление порошка в сторону.

– Попутный ветер коварен, занёс много гостей. – голос звучит зловеще, как скрежет сухих ветвей. – Во славу Триединой Богини, у Собирательниц душ будет много работы.

Сейчас

Гнилые потемневшие балки заглядывают в моё сонное лицо. С них, тут и там, свисает паутина. Потолок черный, из досок. Между ними, местами, можно увидеть торчащее сено. Ни пучков с травой, ни ведьмы.

Где я?

Всю ночь я ворочалась с бока на бок. Куталась в одежду не в силах подняться на поиски пледа и еды. Бессилие не было плодом разыгравшегося воображения.

Склад, охранник, шкаф. Они тоже были. Или нет?

Чем они меня накачали?

Тело словно онемело, как если бы стало чужим. Лёгким и неповоротливым, как облако.

Где бы я ни была, это место заметно отличается от склада. Здесь холоднее и даже воздух ощущается иначе. Он чище. Все попытки вспомнить обстоятельства, заставившие меня оказаться в чужом доме, бестолковы. Ключки воспоминаний обрываются на пыльном шкафу и жутком отражении моего лица. Сейчас оно кажется мне чужим.

Даже злиться на себя сил нет.

Оглядываюсь. Никого. Облезлая печка посреди единственной комнаты тонко намекает, что я далеко за пределами Москвы.

Эта мысль не такая страшная, скорее, мозг находится в будоражащем предвкушении.

Какая разница что произошло, если теперь я в безопасности? Или нет? Меня вывезли за город? Почему не сдали в полицию? Они хотят меня убить?

Время тянулось, как назло, медленно. В метаниях между сном и бодрствованием я успела пожалеть, что меня не арестовали. Стало легче с рассветом, окрасившим небо за маленькими деревянными окнами в огненно-рыжий. Ноги с трудом разгибаются, когда сажусь на кровати из досок, покрытой тонким, как бумага, одеялом вместо матраса. Колени щелкают.

– Ну, вот, пожил и хватит. – бубню, когда укрепляюсь в мысли о том, что помимо меня

здесь давно никого не было. Пыльно и слишком много паутины, свисающей с потолка, словно мишура на Новый год. Обвожу взглядом комнату и нахожу причудливый лиловый шкаф, несколько старых сундуков подле трёхногого обеденного стола и громадные олени рога, прибитые возле единственной двери. На них небрежно накинули бесформенные серые тряпки.

Кто-то здесь жил, и он вполне может пожелать вернуться. Судя по вещам, хозяин достаточно внушительных размеров.

Впервые за все время прибывания черт знает где мне становится страшно. По-настоящему. Хлопаю ладонями по карманам и быстро нахожу телефон. И украшения. Камни и металл холодят пальцы. Приятная тяжесть в ладони зажигает искру надежды.

Раз эти олухи не додумались обыскать меня, то уйти отсюда будто легко.

Сжимаю телефон в руках в ожидании.

Сейчас посмотрю, где нахожусь на картах и закажу такси. Меня ждет самая лучшая поездка в моей жизни.

Но телефон не включается. Судорожно жму на кнопки, но ничего не происходит. Черный экран блестит, не желая загораться. Делаю глубокий вдох и приступаю к совершенно непривычному для меня занятию – успокаиваюсь.

Сколько себя помню, я всегда слишком много нервничала. Дома и в школе, обворовывая чужие дома и даже когда всё было просто прекрасно я боялась того, что это затишье перед бурей.

Но, кажется, то, что я проснулась Бог знает где, не шторм, а лишь передышка перед ураганом.

Инстинкты молили рвать когти куда угодно и в сию же секунду, но я просидела несколько часов у окна, разглядывая прохожих.

Мне нельзя выделяться. Вдруг кто-то из них добродушный сосед-стукач? Если домишка настолько запущенный и здесь давно никого не было, не обязательно, что хозяин вернется прямо сейчас – успокаиваю себя.

Живот сводит от голода, но я продолжаю следить, цепляясь за каждую деталь.

Горбатые от тяжелой работы женщины и измученные бородатые мужчины в серые и черных одеждах. Их прикиды по крою напоминают старые строгие наряды. Платья в пол, платки на волосах, безликие костюмы и фуражки. Местные жители сосредоточены на извилистой брусчатой дороге и почти не смотрят по сторонам. Я будто оказалась на сцене в разгар представления.

Быть может, я просто сошла с ума? Безумна или нет, нужно как можно скорее уходить отсюда.

Руки дрожат то ли от холода, то ли от нарастающей паники. Моя одежда и внешность выделяется среди прохожих.

Пора сделать то, что я умею лучше всего.

Плакать.

Издаю нервный смешок, запуская пальцы в волосы.

Пора затеряться.

Откопав в потрепанном сундуке брючный костюм пепельного цвета, натягиваю его поверх своей одежды. Штанины пришлось закатать и запихнуть в кроссовки. Небольшие пуговицы едва поддаются окоченевшим пальцам и с трудом попадают в петли пиджака. У

самой двери хватаю бесцветный плащ с рогов. Дверь позади меня закрывается без единого звука, будто ей было не от чего предостерегать меня за пределами ветхой лачуги.

Весна весной, но вчера было нестерпимо жарко, а сегодня лужа перед порогом покрылась льдом. Хватаю черенок, приставленный к заиндевевшей бревенчатой стене.

Теперь у меня есть оружие.

Мышцы отзываются ноющей болью при каждом шаге, но я заставляю себя двигаться вперед. Крадусь между бедными и кособокими сельскими домами с несвойственной мне сноровкой, с легкостью скрываясь от редких прохожих за сараями и в тени плетёных заборов из ивовых прутьев. У меня уходя часы на то, чтобы преодолеть одну улицу за другой. Солнце стояло уже высоко над головой, сокрытое от глаз мутной пеленой светло серых облаков, когда я наконец обошла последние дворики и вышла в поседевшее инеем поле. Трава серая и пожухлая, напоминает космы ведьмы из моего сна. Грунтовая дорога – две глубокие колеи.

Три проблемы в стране – дураки, дороги и потерявшиеся дураки на разбитой дороге.

На пустыре ничего кроме камней и редких чахлах деревьев, покрытых слоем прозрачного, будто стекло, льда. Никогда не видела ничего подобного. Небо, затянутое бесцветными тучами, плавно перетекает в тропу. Будто у моего пути больше нет конца. Пальцы в кроссовках замерзли быстрее, чем я рассчитывала. Холодный ветер скользит толкает в спину, проникая под плащ. Ноги так и норовят разъехаться в стороны. Опираюсь на черенок, чтобы не убится, когда в очередной раз поскальзываюсь на ровном месте. Секунды растягиваются в минуты, а те в мучительно долгие часы. Конца моего пути действительно не было. После нескольких часов ходьбы все, что меня ждало – это обрыв, за небольшой плетеной оградой. Местами пологий, в других настолько крутой, что более походит на шершавую каменную стенку, нежели горный спуск. Черный камень, заключенный в объятия блестящего льда, исчезает в дымке.

Как далеко земля?

Сердце трусливо сбегает в пятки. Поднимаю глаза, чтоб высмотреть хоть что-то на горизонте, но и там меня ждала лишь бледная пустота. Абсолютно серое ничего. Мир исчез в густом тумане.

Теперь я одна. Одна на краю мира.

–Эй, ты кто такая? Чего забыла на границе?

Слышится мужской голос позади. Оборачиваюсь, отскакивая от пропасти. Трое мужчин в алых одеждах сжимают ружья с плеч. Одеты в одинаковую форму, напоминающую балахон, незнакомцы даже не пытаются казаться дружелюбными. Как я могла пропустить их на таком открытом пространстве? Самый нетерпеливый шагает вперед, направляя раздвоенное серебристое дуло на меня.

Одна на краю мира. Мертвая.

– Дружина истинного князя Западного, Кегала Крупского. – представляется самый старший. На вид ему неплохо так за сорок. Серые глаза мечутся между мной и его подельниками. Отступаю.

Бред какой-то... Какие к черту князья...Кегли?

Мужчины, как один, медленно двигаются навстречу. Они шагают нога в ногу, рассредоточиваясь. Окружают. Их можно принять за братьев. Усатые, в высоких меховых шапках. Я как будто оказалась в фильме с, несомненно, отвратительной актерской игрой.

Дураки, возомнившие себя дружинниками при князе, наигранно злы. Хмурые настолько, что густые выцветшие брови едва ли не смыкаются в одну мохнатую гусеницу на переносице.

Они кричат друг другу короткие фразы, зачастую не имеющие никакого смысла. «Берите дуру с печи, пока она тепла», «Она могла пройти сквозь пещеры с Диких Земель и потерялась» и «В Соли за её тщедушную тушку не дадут и семи серебряников».

Солнышки, рубли – валюта мира. Какие к черту серебряники?

Смеюсь. Кризис больно ударил по карманам, отбив всякое желание шутить о экономике. В ней, как и в истории, я ничего не смыслю.

Еще один шаг. Язык будто прилип к небу, не позволяя мне выдавить из себя ни слова.

Да и что я скажу? Всем привет, меня зовут Инесса и я так лихо обнесла склад, что очнулась от дома за три пи...

Нет. Лучше молчать.

Холодный ветер пробирает до костей. Отступить больше некуда. Слезы сдавливают горло не хуже веревки.

– Кто ты? – повторяет один из незваных гостей, и меня прорвало. Слова полились сами, сумбурно и без остановки.

– Не знаю, как сюда попала. Я из столицы. Я...я...я не знаю, как я здесь оказалась. Тут все такие странные. Я не местная. Я не знаю где я и я хочу домой. Мне нужно домой, понимаете?

– Пора заканчивать это представление.

Двое перезаряжают ружья, пока самый старший рывком бросается ко мне. Трава скрипит под его ботинками. Раскинув руки в стороны, мужчина настигает меня на краю обрыва.

Мгновение. Такое долгое и такое быстрое одновременно. Земля уходит из-под ног, и я падаю в бездну.

Я не хочу умирать. Я не хочу умирать!

Перед глазами раскидывается безжизненное серое небо. Холодный ветер свистит в ушах и раздувает плащ, словно парашют. Воротник больно хлещет по лицу. Туман висит кусками сахарной ваты на небольших выступах в скале.

Всё замерло, а я наблюдаю ускользящие сквозь пальцы последние секунды жизни.

Переворачиваюсь на бок и едва успеваю обхватить руками голову, прежде чем приземлиться. Падение прерывается мерзким хрустом. Не чувствую земли под собой. Есть только боль, окутавшая все тело. Хватаю ртом морозный воздух, но не могу сделать вдох. Легкие горят, но с губ не слетает ни звуков, ни облачков пара. Скатываюсь с выступа и вновь меня подхватывает ветер. На этот раз падение совсем недолгое. С размаху бьюсь о склон и качусь вниз вперед ногами. Снег и мелкие льдинки летят в лицо и царапают щеки. Плащ скользит по наледи и из груди вырывается протяжный крик, наполненный ужасом. Поворот. Еще один. Я ненадолго подлетаю и вновь жесткая посадка. Все повторяется, снова и снова.

Вечные американские горки. Что ждет меня в конце этого сумасшедшего пути? Смерть?

Жмурюсь и последнее, что чувствую – снег в рукавах и жгучую боль в пояснице. Потом – темнота.

Просыпаюсь. С трепетом замечаю, что больше не двигаюсь. С трудом открываю глаза. Мир раскачивается, словно вагон в метро. Поле. Пустое и безжизненно белое. К горлу подступает тошнота. Присматриваюсь к размытому пятну в паре метрах. Сердце неприятно шумит в ушах. Меня не мучает страх или паника. Скорее, неприятное удивление и пустота...? Мужчина, представившийся дружинником, лежит повернутый заиндевшим

лицом ко мне. На посиневших губах застыла тонкая струйка крови.

Он мертв. А я нет.

Кряхчу, переворачиваясь на спину. Каждое движение неловкое и неповоротливое. На до мной нависает иссиня-черная груда обледенелых камней. Если бы гора была живой, то она бы удивилась не меньше меня.

Я жива.

Смех вырывается из груди, пока по щекам ручьём бегут слезы. Жгучая боль сковывает ребра, не позволяют сделать глубоко вдохнуть. Приходится довольствоваться тяжкими и короткими вздохами, поднимающими за собой клубы густого пара.

Этого просто не может быть. Я выжила! С ума сойти!

Я смеялась, как сумасшедшая, до спазмов в пустом животе.

Когда приступ истерии закончился мне пришлось заставить себя подняться.

Не хватало только пережить такое грандиозное падение и помереть от воспаления лёгких.

Этот человек... Я могу ему помочь или уже поздно?

Переступаю через отвращение и страх и оглядываю мужчину.

Сомнений в том, что он мертв больше не остаётся.

Бандит лежит на животе, его руки и ноги неестественно выгнуты в суставах. Русая борода потемнела от крови. Рот мужчины открыт в предсмертном крике. Теперь его мольба о помощи запечатлена на расцарапанном посиневшем лице. Ружье все еще висит на его груди. Замечаю обломанный конец моей палки, торчащий из-под алого плаща.

Я должна забрать его вещи.

К горлу подступает тошнота. На языке чувствуется горечь желчи.

Обокрасть покойника? Я никогда не обчищала неимущих. Скорее, заимствовала у людей то, что они в состоянии приобрести снова. Во всяком случае, так я себя всегда утешала.

Но оно же ему больше не пригодится.

Никто не узнает. Он уже никому никогда не расскажет о том, как низко я пала в собственных глазах.

– Это необходимость, чтобы выжить. Мой поступок не делает меня плохим человеком.

И всё равно мне отвратительно от себя самой. Подхожу к телу на подгибающихся ногах и плюхаюсь рядом с трупом. Дрожащие пальцы онемевают от холода, когда я пытаюсь уцепиться за ремень на груди мужчины.

Что если он ещё жив?

Разглядываю его бледное лицо, готовая в любую секунду умереть от страха, если в пустых глазах промелькнёт жизнь. Но он не шевелится. Радужка светлая, будто выцветшая, как у стариков. Подношу ладони к лицу и согреваю их дыханием. Растираю пальцы. Два сломанных ногтя из десяти.

Кажется, я женюсь на своей мастерице, когда выберусь.

Ремень легко поддаётся. Разношенный и мягкий, он приятно ложится в руку. Стягиваю с мужчины ружье и, прежде чем подняться, замечаю причудливую резьбу на деревянном прикладе.

Это что, медведь? Прелесть.

Дальше всё как в тумане. Холод, пронизывающий до костей, тишина и беспорядочные мысли, переплетающиеся с неуверенными действиями.

Оружие привлечет ко мне внимание. Стягиваю с штанов мужчины ремень и затягиваю

его на бедре, как подвязку для чулок. Закрепляю оружие на себе, просунув его через пояс от своих джинсов и ремень на ногу. Дуло заканчивается у колена, а приклад упирается в подмышку и мешает наклоняться. Обшарив карманы красного балахона, я нахожу в карманах мужчины три небольших и увесистых ножа и немного самых настоящих золотых монет. С медведями.

Бред какой-то.

Мужчины представились княжескими дружинниками. Как бы плохо не было у меня с курсом географии в школе, если бы по сей день существовали княжества, то я точно бы об этом знала. Княжества с настоящими золотыми монетами и дружинниками.

Может, меня чем-то накачали на складе? Или я что-то не так поняла?

Заворачиваю в кусок красной тряпки ножи и прячу их в кроссовки, положив под ступни. Жилет с вещами, что я так старательно собирала на аукцион смягчил падение, но я всё равно что-то повредила. Чем больше времени проходит, тем хуже самочувствие. Кровь стучит в ушах, глаза застилает пелена слез.

Надо идти. Я должна двигаться дальше.

Подвываю, ковыляя по полю. Труп мужчины остается позади. На горизонте чернеет полоса леса. Шаг за шагом, за мной крадётся смерть, обдавая холодны дыханием. Коротая часы, жалея себя.

Глупая, никчемная клуша. Как меня угораздило вляпаться по уши в это дерьмо?

Опираясь на палку, я шагала по хрустящей траве, ориентируясь на восходящую над лесом луну. Обернуться мне хватило сил лишь когда солнце садилось за спиной, прячась в камнях. За мной никто не шел. Поле сменилось небольшими березняками. Ветки, покрытые льдом, издавали причудливые звуки, стучаясь друг об друга при малейшем дуновении ветра. На небе появились первые звёзды и далеко впереди показались тонкие столбики серого дыма, лениво тянущегося вверх.

Я не ощутила внезапно проснувшегося второго дыхания или надежды. Ускорила шаг, просто от того, что с каждой секундой промедлений вера в то, что я смогу идти дальше, угасала всё стремительнее.

Время идёт ещё медленнее, чем я. Трудно это представить, но так и есть.

Каждый новый шаг даётся труднее предыдущего. Усталость, ноющая боль и голод смешались в одно уродливое чувство отчаяния.

Я никогда не выберусь из леса. Ночью вылезет голодная живность и на утро моих костей и след простынет. Разве мало подобных примеров я слышала? Тайга, густые леса, полные ягод, грибки, медведи и ничего общего с сказкой Маша и Медведь.

Замираю, тяжело дыша, будто пробежала кросс, а не протащилась вразвалочку несколько часов.

Почему я подумала про тайгу? И какого черта так холодно?

Ещё вчера на улицах буйствовал май. Снег давно сошел и парки позеленели, усыпанные мелкими липкими листочками, едва проклюнувшимися из почек. Почему кругом снег? С чего так холодно?

Где бы я ни была, это далеко не Подмосковье. Не думаю, что это вообще средняя полоса России. Где вообще сейчас, на границе весны и лета, может быть настолько холодно? В Мурманской области, кажется, были горы. Ну почему я такая дура и спала на географии вместо того, чтобы слушать?

– Прости иди. Это же не сложно. – вру себе вместо того, чтобы проклинать.

В любом случае, я уже проклята.

Лес неспеша расступается передо мной. Сама того не ведая, я выхожу на грунтовую дорогу. Впотьмах, спотыкаясь о узловатые корни, что тянут свои руки хватаясь за полы плаща, я напеваю себе под нос глупые стишки, создавая иллюзию нормальности.

– В лесу пропала Инесса, но все хорошо.

Я приду домой и отмокну в ванной.

Оплачу квартиру и мне будет смешно,

Что оказалась в такой ситуации странной.

Ветер завывает раненым зверем, плугая в верхушках сосен. Из-за шершавых стройных стволов показываются одноэтажные бревенчатые дома. Сердце гулко колотится внутри, едва поспевая за мелкими и частыми шагами. Волосы растрепались и кудри назойливо лезут в глаза. Стены потемнели от времени и местами покрылась пушистым бледно-голубым мхом. Не Новая Москва. На улицах пусто. Осматриваюсь. Окна заглядывают в душу побелевшими на морозе стеклами. Их украшает причудливая резьба и ставни. Кажется, большая часть домов пустует. Бреду мимо не огражденных домов и загонов для скота в сопровождении душащей тишины.

Где весь народ?

Поднимаю глаза к потемневшему небу в попытках сдержать слёзы и замечаю тонкую нить дыма. Наваливаюсь на палку и ковыляю по двору мимо кривых яблонь. Местами на ветках еще висят гнилые яблоки и листья. Выхожу на параллельную улицу и не верю своему счастью. Мужчина и женщина средних лет грузят плетеные корзины и ящики в повозку, запряженную парой гнедых коней. Сокрушенно плетусь к местным. Мысли путаются друг с другом. Мне с трудом удаётся подобрать слова:

– Извините, но мне нужно в столицу.

Пара удивленно переглядывается. Только подобравшись достаточно близко я понимаю, насколько эти двое несуразно высокие. Каждый из них минимум на голову, а то и на полторы выше. Они даже наклоняются вперед, чтобы расслышать мое неуверенное лепетание.

– Ты чья тут ходишь? – недовольно хрипит незнакомец. Его лицо едва тронут морщинками, собравшимися между бровей и в уголках глаз. Он потирает обветренные красные руки, стряхивая опилки. Его спутница расправляет длинную юбку и кутается в короткое красное пальто с меховым воротником. Они одеты как деревенские. На её плечах пуховый платок с витиеватым красным узором, бережно вышитым нитками. Цветы и змеи.

– Сиротка? – вмещивается дама. Я кратко киваю, боясь сказать лишнего. Женщина грустно улыбается и, обернувшись к мужчине, шепчет:

– Давай отвезем ее до Тургуса? – последнее сказанное женщиной слово ощутимо режет слух. Мужчина отвечает, не задумываясь ни на секунду:

– Нет.

– Она не доберется одна от Даробета до столицы пешком! Там хоть есть возможность того, что найдутся небезучастные люди.

Женщина всплеснула руками. Круглолицая и румяная, она с жалостью поглядывает в мою сторону, избегая встречи с зареванными глазами. Поджимаю дрожащие губы, растрескавшиеся до крови на колючем морозе.

Я так устала. Когда я ела последний раз? Как долго пробыла на холоде, лежа в снегу? Сколько я проспала в доме, где очнулась?

– Я...я потерялась. – говорю с трудом, едва ворочая языком. Тело отказывается мне

подчиняться. Колени подогнулись сами собой, и я заваливаюсь на бок. Последнее, что вижу – посиневшие от холода пальцы, выпускающие палку.

Семь дней прошли как в тумане: я много спала, укутавшись в плащ с головой. Скрывалась от холода и сквозняка, свободно гулявших по повозке, при помощи доисторического масляного фонаря. Женщина, представившаяся Ишлей, с завидным постоянством интересовалась моим самочувствием.

Спрашивать про странное имя не было желания. Как и про князя, дружину и золотые монеты.

Семейная пара забрала один из ножей, что я оставила в кармане плаща. Два других и ружье они не нашли.

Биологические часы сломались, иначе, при всем желании, я никак не смогла бы объяснить постоянную слабость и лишь небольшие урывки времени, когда я бодрствовала. Наша совместная поездка закончилась в небольшой деревушке недалеко от портового города. Мне было велено идти прямо, через всю деревню и реку. В знак благодарности я оставила им массивное изумрудное кольцо, что успела утащить с аукциона.

Они были удивлены, я же уже устала поражаться чему-либо.

Ковыляя по промерзшей земле, я опираюсь на палку, готовая взвыть в любую секунду от боли в ребрах. Кажется, я сломала одно. Надеюсь, что только одно.

Деревня, куда я пришла, ничем не примечательная копией той, где очнулась и куда приползла после падения с горы. Ее можно было бы спутать с любым захолустьем из моего прошлого, если бы не местные жители. Во дворах и по дорогам пестрят вышиванки, меховые жилетки, фуражки и самые настоящие кокошники.

Безумие.

В промерзшем воздухе витает смесь из множества запахов. Три из них ни с чем нельзя спутать – дым, пироги и навоз.

Зубы стучат в такт ударов обезумевшего от горя сердца.

Куда я всё-таки попала? Что если я умру здесь?

Меня вновь душат слёзы. Опираюсь на палку и утыкаюсь носом в обледенелый рукав плаща.

Не смей плакать. За лесом наверняка меня уже ждёт цивилизация. Я доберусь до дома и буду вспоминать весь этот бред со смехом. Надо просто выбраться отсюда.

С трудом поднимаю голову и разглядываю раскинувшийся пейзаж. Множество маленьких лачуг и ветхих сараев, накренившихся и без крыш. Почти в каждом доме из труб в небо поднимается дым. Шагаю по грунтовой дороге, исследуя одну безликую улочку за другой, пока взгляд не наткнется на *него*.

Сначала я даже подумала, будто мне показалось.

По параллельной улице вальяжно вышагивает парень. Он не похож на всех встретившихся мне ранее работяг в крестьянских обносках. В длинном черном пальто, распахнутом навстречу ветру, он поправляет волосы, подстриженные на манер зарубежных красавчиков-актёров из девяностых, когда длинная челка едва ли не достает до носа, а бока выбриты.

Может он отморозок? Или пингвин?

Незнакомец то исчезает, то появлялся из-за домов и курятников, не обращая на меня внимание. Спешу за ним.

Этот тип точно не местный.

Чем я ближе к цели, тем больше деталей отмечаю. В правой руке тлеет сигара. На длинных пальцах много шрамов. Прямо как у меня.

Наверное, тоже вор. Может это какое-то извращенное место ссылки всех воришек-неудачников?

Нас разделяет не больше семи метров и один небольшой курятник с галдящими птицами, когда я спотыкаюсь о полы плаща и с шумом валюсь на колени. Незнакомец оборачивается. Половина его лица исполосована старыми рубцами, побелевшими от времени.

Он напоминает мне пришедшего за отмщением шаблонного злодея, получившего увечье от главного героя. Только я далеко не герой, а этот парень слишком смазлив для главного козла.

Незнакомец замирает. Зеленые глаза блуждают между дворами. Никого не найдя, мужчина достаёт из кармана что-то вроде часов. Золотых часов на цепочке.

Золото. Я смогу купить на них все, что захочу. Билет домой. Подальше от этого дурдома. А как приеду домой, то оплачу себе психотерапевта. Уверена, стоимость часов покроет расходы с лихвой. Отчаянные времена требуют отчаянных мер. Пусть он и больше, но у меня преимущество – палка. На крайний случай – пальну в него из ружья.

Мужчина неторопливо продолжает свой путь, безгласно бросив напоследок:

– Медяков нет. Проваливай.

И всё-таки он меня заметил. Какой козел! Разве я похожа на попрошайку? Да у меня в карманах столько драгоценностей, что я могу купить его семью и его самого с потрохами. Но зачем тратиться, если можно стащить ещё?

– Постой!

Он отвечает, не оборачиваясь:

– Не заинтересован в низкосортных шлюхах. Сегодня не твой день, милая.

Открываю рот от удивления и закрываю, так и не найдя достойного ответа. В груди разгорается злость. Она грозит спалить дотла меня и обидчика вместе взятых. И всё-таки он главный козел!

Я никогда не применяла грубую физическую силу, чтобы получить желаемое. С низким ростом и абсолютной нелюбовью ко всем видам спорта, связанным с борьбой, я отдаю предпочтение хитрости.

Но эта неделя во многом потрепала мои моральные принципы.

Когда крепкая мужская фигура едва не исчезает между избами я срываюсь с места и бегу через дворик. Перепрыгиваю через плетеные оградки и прикрытые сосновыми ветками грядки, вцепившись в черенок. Трава хрустит под кроссовками, что грозятся примерзнуть к ступням навсегда. Приближаюсь к незнакомцу и, размахнувшись, со всей силы бью его по спине. Он выше меня головы на три. Издалека он казался меньше. Руки трясутся от сильной отдачи.

Парень даже не пошатнулся!

Резко обернувшись, он опешил, увидев меня. Ему приходится опустить голову, чтобы встретиться со мной взглядом. Размахиваюсь и бью его еще раз. Парень слегка наклоняется в бок, зажимая большой бледной ладонью место, где встретился его торс и черенок от лопаты. Ударяю в третий раз.

Ему всё нипочем!

Пытаюсь замахнуть в четвертый раз, но незнакомец ловко перехватывает палку, все так же ошарашенно оглядывая меня с ног до головы. В попытках скрыть ужас я действую необдуманно быстро. Пока он не тронул меня в ответ с размаху пинаю его в пах. Парень сгибается пополам. Он рычит что-то под нос, но я не могу разобрать ни слова, кроме одной-единственной фразы. Кажется, он повторил её пару раз.

– Какого беса? – Его голос хриплый и низкий, походит на шепот. Мы стали приблизительно одного роста. Вырываю палку из его рук, облаченных в перчатки, и бью по боку наотмашь. Трясусь от страха, уверенно протягивая:

– Я не шлюха, а воровка, но это не помешает мне поиметь тебя.

Ещё несколько ударов и молодой мужчина падает на колени. Одной рукой он обнимает себя за правый бок, второй упирается в заледеневшую грязь. Темные волосы разметались в стороны, скрывая лицо. Меня подхватывают чьи-то руки и оттаскивают от него. Палку выбивают из рук, больно стукнув по кисти.

– Что это? – Смеется второй незнакомец, крепче сжимая мои руки за спиной. – Дикая карлица!

Впереди откуда ни возьмись появляется третий парень. Он чуть выше меня ростом, обритый наголо, загорелый и с азиатским разрезом глаз. Одетый в легкую жилетку поверх серой рубашки, он презрительно поджимает губы, поглядывая то на меня, то на козла, которого я пыталась обокрасть. Прихрамывает, подходя ближе. Мужчина с размаху ударяет меня под дых. С губ вместе с паром срывает крик. От боли из глаз сыплются искры. Мужчина отвечает мне несколько оплеух. Во рту – вкус крови. Она стекает с губ по подбородку. Тот, что в шрамах, поднимается и отряхивает пальто. Его болезненно-белое лицо не выражает ни единой эмоции.

– Кто ты такая? – С вызовом кричит азиат, замахаясь. Напрягаюсь всем телом, готовая вновь получить, но ничего не происходит. Открываю глаза, когда избитый мной незнакомец строго оговаривает своего подельника:

– Не трогай её.

Не верю собственным ушам. Может я ему по голове попала?

Вот и вскрылась моя поганая натура. Я бы никогда не стала защищать того, кто сделал мне что-то плохое. Я злопамятная и никогда не раздаю вторых шансов.

Парень со шрамами наклоняется вперед, внимательно разглядывая мое лицо.

Я выбила из него всю надменность, иначе как объяснить азартный огонь, разгоревшийся в глубокой зелени глаз?

Он выглядит удивленным, хоть и всячески пытается скрыть это за идиотской ухмылкой.

– Воровка, говоришь? – раздаётся громогласный голос из-за спины. Человек трясёт меня в воздухе, с такой легкостью, как будто взбивает подушку. Ноги отрываются от земли и ребра жалобно скрипят с новой силой. Вою, трепыхаясь, как рыбешка.

– Воровка, воровка. – тяжело пыхчу, с трудом сдерживая рвотные позывы.

– Поздравляю. Это было твое последнее ограбление. – самодовольно, не скрывая издевки, обращается ко мне азиат. – Амур, давай вздёрнем её у рынка?

Они убьют меня. В страхе за свою жизнь можно сделать много непростительных вещей. Например, убить кого-то. Но ножи в кроссовках и мне их не достать. Так же, как и ружьё.

Всё происходит слишком быстро. Азиат тычет пальцем мне в бедро, и я бездумно пинаю его в лицо. Раздаётся отвратительный хруст. Он отшатывается, схватившись руками за лицо и щедро осыпает меня оскорблениями:

– Маленькая грязная...

Его прерывает человек, держащий меня позади. Раскатистый смех прокатывается волной по моему телу. Чувствую, как он дергается позади, подталкиваю меня в спину.

– Решила испачкать подошву в Хастахе? Дорогая, не отмоешься.

У них тоже эти странные клички. Азиат – Хастах. Кто-то из них – Амур. Амур – как река?

– Именем царской дружины мы производим задержание. – слышится крик и со всех сторон показываются бандиты в красных тряпках. Их не менее десяти. Они выползают как черти из табакерки, расцветая алыми цветами на унылой улице, между домами и в окнах. Минуту назад я была готова поклясться, что мы здесь совершенно одни.

Кажется, те трое с горы тоже назвали себя дружинниками.

Мужчины хватают азиата. Внезапно, громила, стоявший позади меня, исчезает. Падаю на колени. Кругом снуют ноги в красных накидках, задевая и толкая меня из стороны в сторону. В суматохе прикрываю голову руками. Дружинники переговариваются между собой, шуршит трава и топот сотрясает землю. Нос чьего-то ботинка влетает мне по животу, выбивая воздух из лёгких.

Мужчина в красном валится на землю совсем рядом и больше не двигается. Жмурюсь, когда взгляд натывается на темнеющее пятно на его спине, чуть ниже шеи. Кровь. Его пырнули в толпе. Кто-то резко дергает меня в сторону и рывком поднимает на ноги. Парень в шрамах одной рукой прижимает меня к себе, а вторую вытягивает перед собой, ловко лавируя между нападавшими.

– Кто это? – Пытаюсь докричаться, задирая голову наверх.

– Солдаты. – Отрывисто отвечает Амур, крепче прижимая меня к себе. От него пахнет мятой и порохом. Утыкаюсь носом в его грудь, бесцельно бултыхая ногами в воздухе в поисках опоры.

– Зачем ты спас меня?

Дважды, хотелось добавить мне, но я промолчала.

Мой вопрос остался незамеченным в гуле голосов. Толчок. Мой спаситель делает еще несколько неуверенных шагов и теряет равновесие. Мы оба падаем на землю. Ударяюсь головой о замерзшие комки грязи. Амур прикрывает меня собой, слегка навалившись. Чьи-то руки бесцеремонно выдергивают меня из-под него и ставят на ноги. Дружинник до боли скручивает мои руки за спиной. Ноги подкашиваются от боли, но я вынуждена стоять.

– Отпустите, мне больно! Вы не понимаете! Я не знаю, как оказалась в этом гадюшнике! – кричу, отбиваясь от солдата. Тщетно. Их больше, и они гораздо сильнее.

– Эй, полегче с выражениями. Я, конечно, не патриот, Боги уберегли меня от этого, но следи за языком. – с угрозой обращается ко мне высокий, как баскетболист, мужчина в дредах. Кожа цвета молочного шоколада делает его самым заметным среди всех. Двое солдат топчутся вокруг, пытаюсь его повязать. Они хватаются за пиджак, настолько узкий, что он вот-вот лопнет на широких плечах здорового мужика. Я узнаю его голос. Это он держал меня, пока Хастах отвечивал мне затрецины.

– Арестовать Амура Разумовского и его псов. Живыми. – кричит мужчина, стоящий поодаль, нервно постукивая тростью по замерзшей земле. Командир. Его форма черная, на груди – красная лента с золотой вышивкой. Солдаты мечутся, окружая нас.

Темнокожий здоровяк вяло отбивается, обращаясь к Хастаху:

– Лапать царевича не благочестиво, господа!

Сумагоха усугубляется. Подозреваю, это был сигнал.

– Катунь! – кричит Хастах, отбиваясь от солдат. Катунь бросает ему длинный изогнутый нож. Хастах вонзает его в шею одного из дружинников. Прямо на моих глазах он убил человека! Голова идёт кругом.

Катунь резко дергает руками, и дружинники повисают на его плечах, как блохи на собаке. Хастах пробегает мимо меня, уводя за собой троих солдат. Пока дружинники пытаются арестовывать двух парней, ко мне подходит небезызвестный в этом дурдоме Амур Разумовский, которого я наивно пыталась ограбить. Скручивать его никто не спешит.

Он же безоружен, чего они медлят?

Мельком вижу Хастаха, бьющего ногами одного из мужчин в красном одеянии.

А он неплохо держится для того, кто поцеловал мою подошву.

В толпе раздаётся выстрел. Все замирают. Этого хватает, чтобы кольцо сомкнулось. Нас окружают. Оглядываюсь и принимаюсь считать красные силуэты. Бросаю глупое занятие дойдя, когда цифра переваливает за двадцать.

От них не убежишь.

Разворачиваюсь к Амуру. Он усмехается, расправляет плечи и тяжело вздыхает, кивая на человека с тростью.

– Не пропусти торжественную часть. Фиагдон будет стараться произвести впечатление на даму.

Я не отвечаю, а лишь следую его наставлению, глядя в указанном направлении. О ком идёт речь ясно сразу же. Тот самый главнокомандующий. На груди Фиагдона красная лента, на пальцах множество перстней. Он опирается на трость с набалдашником в виде то ли включенной собаки, то ли самого уродливого медведя, которого только можно представить.

– Именем Суда Совета я оглашаю приговор: вы обвиняетесь в более чем полусотне убийств на границе с княжеством Муониэльвен, вы обвиняетесь в незаконном освобождении заключенного из-под стражи царской дружины, вы повинны в разорении церквей и могил, княжеских склепов, похищении и убийстве дочери князя Романова. Амур Разумовский, вы обвиняетесь в измене царству, убийстве престолонаследника, а также в разбое, попытке дворцового переворота, работорговле и покушении на убийство одно из членов Совета.

То, как Фиагдон процедил последнюю фразу наталкивает меня на мысль, что он знает того, о ком говорит.

Скручивать нас никто не спешит. Напрягаюсь. Амур Разумовский – убийца и, если подумать, я неплохо так подорвала его авторитет, отлупив палкой. Пытаюсь отвлечь его настолько непринужденной беседой, насколько это возможно в сложившихся обстоятельствах.

– А ты времени даром не теряешь, да? Послужной список внушительный.

Солдаты приближаются. Амур Разумовский не торопится отвечать. Встаёт ко мне за спину, наклоняется и игриво шепчет на ухо:

– Если бы я пытался устроить дворцовый переворот, то уже грел бы задницу на троне, а не морозился в глуши.

– То есть к остальному претензий нет? – бубню в ответ, чувствуя его руку, крепко вцепившуюся в мой локоть. Солдаты плотнее смыкают кольцо, медленно приближаясь.

– Я не торгую рабами, у меня просто куча должников.

Не это я рассчитывала услышать. Я думала, он станет отрещиваться от повешенных на него убийств.

– Так ты маньяк?

– Мои руки в крови не больше, чем у них. Средства одни и те же, только цели разные.

Страх затуманивает разум. С трудом борюсь с нарастающей паникой. От непонимания хочется зареветь в голос.

– Что ты несёшь?

– Мне плевать кто ты и откуда. – шипит мне на ухо он, крепко вцепившись в плащ, приобняв меня со спины. Наверное, заметил, что я едва стою на ногах. – Если ты так хороша, как думаешь, то я предлагаю сделку. Мы вернем тебя туда, куда ты хочешь сразу после.

– Сделка? Нас же арестовывают!

Амур пинает меня по лодыжке, и я валюсь на колени. Оборачиваюсь. Бледная тень улыбки расплзается на его губах, когда он беззвучно говорит: «один – один».

Я поставила на колени его, и он решил мне отомстить.

– Берите их живыми! – выкрикивает Фиагдон, победно усмехаясь. Он поднимает руку ладонью вверх и добавляет:

– Во имя царя и богов. Старых и новых. Сегодня Демон Трех Дорог, изменник, цареубийца и Зверь в лице Амура Разумовского понесёт справедливое наказание за все свои грехи.

Двор заполняют солдаты. Они стекаются к нам рекой из красных плащей.

– Согласен, отличное место для переговоров. – беззаботно пожимает плечами Амур, почесывая шрамы на левой скуле. Мой голос срывается крик.

– Они посадят нас!

Разумовский помогает мне увернуться от одного из солдат, бьет второго по лицу. Мужчина падает в ноги к трем другим, задерживая их.

– Нет, если ты будешь под моей защитой.

Времени на размышления нет.

– Что от меня требуется?

– Небольшое одолжение. Нужно украсть что-то, что сделает нас великими. – Амур протягивает руку и помогает мне подняться. Касаюсь большой ладони в тонких кожаных перчатках. Холодная и сколькая. Разумовский едва заметно окидывает меня взглядом и разочарованно закатывает глаза. Делаю то же самое. Меня хватают со спины. Солдат заламывает руки, и я взываю. Не столько от боли, сколько для того, чтобы скрыть от нежелательных слушателей один-единственный вопрос, брошенный красавчику в шрамах до того, как нас растащили.

Когда приступаем?

Глава 7. Темница Мален

Тогда

Она не знала обо мне ничего из того, что было правдой, но это не помешало мне стать для неё всем.

Сейчас

Я просыпаюсь от шума. Низкий потолок кружится в полумраке тесной камеры. Прикрываю глаза, растирая затёкшие предплечья.

Голод даёт о себе знать. Если бы не знал, что последнюю корку плесневелого хлеба мне удалось проглотить трое суток назад, то могло бы показаться, что на душе скребутся кошки.

Голодные кошки.

– Мален.

Услышав собственное имя, подскакиваю на месте, борясь с тошнотой. Бреду по клетке, расставив руки в стороны, ища грубые каменные стены.

Она вновь со мной заговорила!

Спустя месяцы гнетущей тишины я мог сойти с ума, но мне не показалось. Нахожу княжну Неву Романову сидящей на деревянной полке в самом дальнем углу. Девушка указывает в темноту коридора, обвив свободной рукой ободранные костлявые колени, прижатые к груди. Белая сорочка, измазанная в грязи, едва прикрывает девичьи бёдра, цветом сливаясь с чумазой фарфоровой кожей.

Мои ноги будто наполняются свинцом. Ослабшее тело противится отчаянному желанию бежать к княжне по первому зову. Нева окидывает меня обеспокоенным взглядом, продолжая настойчиво указывать вперёд.

– Там кто-то есть.

Конечно, там кто-то есть. Это же темница. Голоса стремительно приближаются.

– Фиагдон отправился в Святой Град Дождя известить Совет.

– Старик еще думает, что вернется к царским лизоблюдам?

– У него личные счёты с Разумовским. Его конвой отправился в путь сразу же после задержания, остальные празднуют.

Вскоре свет масляных фонарей рассекает вязкую темноту и впереди показываются несколько фигур. Ужас обуял меня, но я не двигаюсь с места, продолжая стоять истуканом посреди клетки.словно загнанные звери, тяжело дыша, я с княжной прислушиваемся к приближающимся женским крикам.

– Отпустите, офицер! Только не бросайте меня в терновый куст!

– Что она говорит?

– Чужестранка, наверное.

Семеро дружинников ведут низкую темноволосую девочку и трех мужчин. Они идут медленно, словно хотят растянуть прогулку среди плесени, гнили и запаха дерьма, который въелся настолько глубоко, что мне уже никогда не отмыться. Я знаю новоприбывших лучше,

чем кого бы то ни было. Хватает лишь одного взгляда на далёкие силуэты, чтобы ощутить давно забытое облегчение.

– Я ничего не крада! – срывая голос визжит молодая девушка, облаченная в большой серый плащ, тащившийся за ней по полу шлейфом. Солдаты толкают её, поторапливая. Она спотыкается и неуклюже валится на земляной пол. Стражник хватается за шиворот и резко поднимает на ноги, но незнакомка вновь падает на колени.

– А можно поаккуратнее? – рычит она, опираясь на руку дружинника. – Я, кажется, подвернула ногу.

– Мален, это же Амур, да? – С надеждой в голосе шепчет княжна Романова, возникшая за моей спиной. Изуродованный мужчина, стоявший прямо позади крикливой девчонки, лениво оглядывает стены и хитро улыбается, когда наши взгляды пересекаются. Амур Разумовский. Один из охранников, что прибыл из столицы вместе с Фиагдоном и дружинниками, со всего размаху отвечает пленнице оплеуху. Она вновь оказывается на четвереньках. За ее спиной ерзает Хастах, пытаюсь протолкнуться между Амуром и Катунем.

Они пришли за нами!

– О, боже... – шепчет Нева, прикрывая рот рукой. Тонкие и некогда изящные пальчики стали кривоватыми от множественных переломов, полученных во время пыток. Княжна больше никогда не сможет играть на виоле и клавикорде.

Эта мысль навевает тоску. Всё время, проведенное в темнице, я мечтал о нашем доме, наполненном её присутствием. Я засыпал и просыпался, рисуя в воображении детей, которые могли бы у нас получиться. Представлял, как бы моя красавица-жена учила бы их стучать маленькими ручками по клавикорду и пела бы им колыбельные, укладывая ребятню с нами в большую постель.

Но она больше не сможет играть. И прощать меня не станет.

Крикливая незнакомка, злобно рыча и бормоча ругательства под нос, поднимается. Она демонстративно отряхивается, бесстрашно задирая нос.

– А вы гостеприимны. – огрызается она и только тогда я смог выдохнуть. На вид она походит на ребенка. Злобного и отвратительно воспитанного подростка.

Зачем Амур вообще притащил с собой ребёнка?

Пленников заводят в камеру, находившуюся всего через две стены от нашей. Дверь с отвратительным металлическим лязгом захлопывается. К горлу подкатывает тошнота. Отступаю от решетки, задеваю локтем княжну и увожу её в тень.

Как же Разумовский выгащит нас, если и сам оказался в заключении?

– На рассвете отправьте кого-нибудь вслед за бывшим Советником, пусть доложат, что мы поймали цареубийцу. Фиагдон не оценит, но лучше перестраховаться. – командует столичный дружинник, оглядывая трофеи, что гарантированно принесут ему столько богатств, что и правнукам работать не придётся. – Куртизанку допросите первой. Где желтый билет и к какому дому она принадлежит. Уж слишком она желает поболтать.

Последнее арестовывается говорливой девушке, ответ которой не заставил себя долго ждать.

– Ты хочешь по чертовски тонкому льду. И, когда этот лед треснет, тебя под ним буду ждать я. – с безумной гордостью говорит девчонка.

Сумасшедшая.

– У-у... звучит жутко. Сама придумала? – издевательски посмеивается один из дружинников. Тот, что чаще всех обижал княжну.

Внутренности завязываются в тугий узел, когда угрызения совести подбрасывают воспоминание. Чтобы вырезать его из памяти я готов заплатить чем угодно.

Нева кричала всякий раз, когда они оставались наедине. А если молчала, то они заставляли её вопить, применяя силу.

Охранник наклоняется к прутьям, теперь его с девчонкой лица находятся слишком близко друг к другу.

– Нет, это Твиттер. – Ласково протягивает незнакомка, обвивая тонкими когтистыми пальцами грубые ржавые решетки. Она действительно распутница, раз позволяет себе так открыто кокетничать с незнакомцем.

– Мудрец? Бандит?

– Можно и так сказать.

Девушка заливается жутким, истеричным смехом. Хастах ощупывает западную стену, обшаривает пол и уныло взвывает, споткнувшись о ведро с испражнениями. Нева ойкает, зажимая ладонью нос. В недвижимом воздухе запах распространяется быстро, расплзаясь зловонной пеленой. В клетках справа недовольно запищали крысы. Они доедали Тарка – боярина и торгоша, нагло обманувшего Емельяновых. Он был здоровенным мужиком, пока не попал сюда. Вадок – князь близ Выжженных Земель, постарался, чтоб его обидчик иссох, подвывая очистки от репы, которой кормят дружинников. Уже как третью неделю его останки были пиршеством для крыс. Он любил шутки и смерть его по-своему была проявлением злого юмора Богов. Он так старался набить свою брюхо за чужой счет, что высох вдвое и сам пошел на корм. Выносить гниющие останки никому не хотелось.

Дружинник запирает замок и бросает связку ключей молодому солдату. Тот ещё носит черную повязку на плече в знак траура по брату. Зилим, кажется, так звали его двойняшку, сопровождавшего конвой из Лощины. Четверо из семи дружинников уходят. У одного из них в руках обломанная палка в сажень длинной.

Дружинников перестали снабжать ружьями?

Правая рука Фиагодона усмехается, закуривая. Дым из трубки едкий, такой, что аж глаза слезятся.

– Сколько у тебя было мужчин, блудница?

Нева издает писк, едва ли громче мышиноного. Никто не обращает на неё внимания.

Сбежавшие дочери князей – редкое явление, а вот куртизанки, покинувшие свои постоянные дворы – сплошь и рядом. Этот же вопрос задали Нева много лет назад, когда нас задержали в порту. Нам не хватило меньше четвери дня, чтобы исчезнуть навсегда. Судно задержали и нас отловили раньше, чем мы успели затеряться среди волн.

Девчонка деловито поправляет копну волос, и протягивает слова с приторной сладостью в голосе. От чего-то её тон напоминает мне манеру речи Селенги Разумовской, матери моего лучшего друга. Она всегда говорила так, что до конца не было ясно злиться ли в тайне или говорит искренне.

– Боишься – достаточно, чтобы сходу понять, что твой огрызок ни на что не годен?

Тишина, нарушаемая лишь писком крыс и шарканьем ботинок Хастаха. Для одного из стрелков он слишком громко ходит. Катунь хихикает. Я не вижу его из-за решеток.

– Если ты на ней не женишься, это сделаю я!

Дружинник, явно не оценив отвратительного юмора, разворачивается на пятках и бросает через спину:

– Я хочу допросить ее. Сам.

Солдат мерзко чмокает губами. Девушка отпрыгивает от прутьев, словно те всполохнули. Амур выходит вперед, заслоняя собой маленькую хамку. Свет от факелов отбрасывает тени, делающие обезображенное лицо более резким и угловатым.

– Тронь её и пойдёшь вслед за Виндеем.

Вспоминаю Виндея Волгана Воронцова – златовласого мальчишку, едва ли старше Амура, что должен был засиять новой звездой на троне Райрисы. Он не был плохим человеком, как его отец. Но иногда нам всем приходится очень дорого платить за чужие грехи.

Как бы прискорбно это не было, но я знаю, что Нева расплачивается за мои.

Княжна проводит пальцами по короткостриженным волосам, тяжело вздыхая. На ее лице проглядывает улыбка, которую она старательно пытается скрыть. Сердце бешено колотится в груди.

Как давно её улыбка предназначалась мне?

Прошла целая вечность с того дня, когда мы были счастливы. Тогда, на причале, казалось, это был худший день. Было жарко и раскаленный ветер трепал её белые, как снег волосы, донося с собой запах гниющей рыбы и водорослей. Моряки ругались на причале, разгружая ящики с тканями и пряностями откуда-то с иноземья. Хотелось пить, но пресная вода вблизи моря стоила на вес золота и приходилось довольствоваться мелкими дикими яблоками. Такими кислыми, что язык сворачивался в трубочку. Ленты из кос княжны хлестали меня по лицу и всё, о чем я думал – когда этот кошмар кончится?

Идиот. Весь ужас терпеливо ждал нас впереди.

– Придержи свой поганый язык, когда говоришь о покойном царевиче.

Оставшиеся дружинники уходят, оставляя нас в кромешной темноте. Прислушиваюсь. Удаляющиеся шаги, скребущие остатки Тарка крысы, вода, звонко капающая через четыре клетки от нас.

– Я приду за ней через час. Бледную тоже выведи. Пусть покажет ей пару уроков хороших манер.

Беру Неву под руку и отвожу в самый темный угол камеры.

– Жди здесь.

Княжна коротко кивает, усаживаясь на вытертый кусок шкуры, служивший моей постелью. Выживаю из расщелины между камнями небольшой заточенный кусок железа.

– Хорошо, я воровка, не проститутка! – кричит ему в след девушка, выглядывая из-за широкой спины Разумовского. Было поздно. Солдаты уже скрылись из поля зрения.

– Ты притягиваешь лишние проблемы. – рычит Амур. Выхожу из тени и прижимаюсь щекой к ржавым прутам калитки. Посреди неё прикован герб – ревуший медведь. Правда, от влаги морда облезла и там, где должна быть витиеватая шерсть и раскрытая пасть теперь лишь шершавое пятно. Запихиваю железный прут между дверью и решетчатой стеной и пытаюсь хоть немного её отогнуть. Бесполезно. Шум отвлекает меня от бесполезного занятия.

– Просто я слишком хороша для любого мира.

– Не льсти себе.

Девушка встаёт на носочки и вытягивает тонкие руки за пределы клетки. Она ощупывает замок и бледные детские ручонки исчезают в темноте за решеткой.

– Ну да, ведь я низкопробная шлюха.

– Низкосортная. – поправляет её Амур. Щелчок. Дверь со скрипом открывается, и

темноволосая выходит в коридор.

– Бери замок. – командует девочка. Пауза и вздох. Шаги. – Тяжелый какой. Им можно голову размозжить.

– Если не заткнешься, то я займусь этим. – недовольно отвечает Хастах.

В пару мгновений незнакомка уже оказывается у двери нашей клетки и вцепилась в замок. За годы привыкший к темноте, едва различаю крохотный силуэт перед собой. Я ошеломлено наблюдаю за тем, как она ловко ворочает в скважине чем-то вроде гвоздя.

– Кто ты такая, черт возьми? – шепчу, подзывая рукой княжну. Нева встает позади, тяжело дыша. Тёплый воздух ласково гладит плечо, заставляя тело покрыться мурашками.

– Ты поверишь, если скажу, что неделю назад грабила склад в на окраине Москвы, а теперь осуществляю побег из колхозной кутузки?

– Ты сумасшедшая...

– Возможно, – Амур возникает за ее спиной и помогает впихнуть железку в замок. – но это самая дееспособная сумасшедшая из всех имевшихся.

Уже знакомый щелчок. Подаю руку Неве, и мы выходим из камеры. Ее ладонь крепко ухватилась за мое предплечье.

Я представлял этот момент сотню раз, но никогда не думал, что это произойдёт именно так.

– Пошевеливайтесь. У нас мало времени.

Амур вытаскивает из-под жилетки нож с тонким лезвием. Сопровождаю княжну, держа обломок железа наготове. Спереди крадутся Амур и Катунь, Хастах и девочка плетутся позади. Нева, скрипя зубами, двигается так быстро, как только может. Без нормальный еды мы сильно ослабли, но это не должно нам помешать. Я едва различаю хрупкий силуэт княжны. Она зло шипит, когда крупные камни попадают ей под ноги. Я подхватываю ее под локоть.

Каждая секунда промедлений может стоить нам жизни – эти слова принадлежат Амуру. Он сказал их в далеком прошлом, когда мы вместе грабили телеги с налоговыми сборами, что должны были прибыть в столицу. Быть приближенным к царю не значило, что Разумовского подпускали к казне, святыням или Совету. Никто не позволял ему вникать во внутреннюю политику или развлекать княжеских вдов, когда их супружеское ещё не успело остыть. Но Волган сам во всём виноват. Амур веселил его бесконечными историями. В них он был то отважным героем, то величайшим злодеем, но объединяло все эти приключения одно – он никогда не выставлял себя лучше или умнее Волгана Воронцова. Каждое невероятное действие он сопровождал дежурными фразами: вы бы сделали также, я сделал это, думая, как поступил бы самый мудрый из всех правителей, ориентируясь на ваш ум и сноровку я предпринял...

Этих рассказов не хватило бы и на три жизни, но царю было всё равно. Амур тешил его это, пока подглядывал в документы, отслеживал караулы, узнавал всё обо всех. Зерном правды в бескрайнем океане лжи были три вещи: он действительно умён, он величайший злодей и у него попросту нет совести. И во всём этом он был лучше Волгана. Я чертовски скучаю по тем временам.

Коридор петляет. Клятва верности княжне не даёт мне упасть.

Из-за угла показывается пара алых плащей, держащих фонари в руках. Амур дергается вперед, загораживая нас собой. Ни с чем не спутаю звучание рвущейся под заточенным лезвием плоти. Кто-то узнаёт мелодии композиторов по первым нотам, что-то по мазкам

определяет художников, а на мою долю выпал талант различать звуки смерти. Хрипы, когда глотка наполняется вязкой кровью, стук рук и ступней об пол, во время предсмертной агонии.

Может, талант, но я больше склоняюсь к опыту.

Дружинники не успевают связать ни слова. Два тела оказываются на полу, не привлекая к нам лишнего внимания. Катунь тушит фитили на масляных фонарях пальцами. Огонь шипит, прежде чем исчезнуть.

– Ты убил их? – девушка нервно обращается к Амуру, обходя тела стороной. Старый друг небрежно бросает через плечо:

– Ранил. Веришь мне?

– У меня нет выбора.

Он солгал. Не знаю почему. Дружинники точно мертвы. Амур не оставляет свидетелей. Я решаю промолчать, борясь с навязчивым желанием умереть прямо там вместе с охраной.

Я так устал. Мы давно так много не двигались и силы, которые должны были поднакопиться, сразу же иссякли.

Мы выходим в небольшой зал. Факелы на подставках коптят потолок. Земляной пол сменил грубый серый камень, тот же из которого выполнены внешние стены в клетках. Земляные очень скоро научились раскапывать. Под одним из затухающим факелов прислоненным к стене стоит обломанный черенок. Рядом размеренно сопит дружинник. Черноволосая девчонка тут же кидается к палке, бесшумно шагая прямо в ловушку. Хастах хотел проследовать за ней вперед, но Амур опережает его. Нагнав умалишенную, остановившуюся в паре шагов от охранника, он с размаху ударяет дружинника ногой в лицо. Мерзкий хруст оглушающе разносится по пустому залу. Солдат разваливается на полу. Грудь, облаченная в алую одежду, перестаёт вздыматься. Его голова превратилась в кровавое месиво, под стать форме, что так гордо носят дружинники. Старый друг хватает девушку за шиворот и прижимает к стене. Она беспомощно мотает ногами в воздухе, цепляясь длинными пальцами за влажные каменные стены, поросшие мхом. Девчонка пытается дотянуться до факела, но не может. Ногти царапают воздух.

Не уж то она бы подожгла Амура, если бы могла?

– Еще раз сделаешь что-то, чего я не приказывал, и я оторву твою пустую голову за ненадобностью.

– Приказы раздавай своим шавкам. – рычит она, ударяя кулаками ему в грудь. Амур стоит неподвижно, игнорируя ее нападки.

– Пока действует клятва – ты моя шавка и должна подчиняться.

Девчонка округляет глаза и, не растерявшись, гавкает в ответ. Нева ахает.

Амур совсем тронулся умом в Лощине, раз отправился спасать меня вместе с полоумной. Хотя, это в его стиле.

– Могу нагадить в твои ботинки. – рычит сумасшедшая, пиная Разумовского. Он перехватывает её ногу, и девка едва не падает на спину. Шагаю вперед, чувствуя, как старые раны начали затягиваться, а обиды на друзей и вовсе угасли в преддверии свободы.

Свобода. Какое прекрасное слово, значение которого угасло в моей памяти спустя столько лет заточения.

– Куда мы пойдём?

Вмешиваюсь, надеясь предотвратить убийство девочки.

– В Черноград, на земли в подчинении Графа Крупского. – Шепчет где-то сверху Катунь,

опираясь на украденное у покойных солдат ружье. Хастах обзавелся таким же. Длинные стволы блестят, отражая рыжие разводы языков пламени. На прикладе каждого вырезан медведь, раскрывший клыкастую пасть в смертоносном рёве.

– Мы ограбим графа? – Не веря своим ушам переспрашиваю я. Катунь кивает и позади меня раздаётся шум. Оборачиваюсь.

– Именно. – хрипит Амур, сворачивая шею прибывшему охраннику. Солдат обмякает, как тряпичная кукла. Незнакомка раскрывает рот, отступая назад. Она явно не была к такому готова. В убитом я узнаю мужчину, что так хотел допросить сумасшедшую девку. Животное на страже порядка, как любой их тех, кто измывался над Невой изо дня в день в соседней камере так, чтобы я их видел. Меня передёргивает от отвращения, пока на лице расплзается улыбка.

Смертники пришли за мной, чтобы забрать на верную погибель.

Глава 8. Сломанные игрушки Идэр

Сейчас

Хастах мерит кухню тихими шагами, но из-за старого перелома он заваливался на правую ногу. На первый взгляд я бы никогда не сказала, что он хромает. Амур учил меня прислушиваться к миру вокруг, а не к молитвам. Это было так давно, что кажется издёвкой собственного воображения.

Из присутствовавших я оказалась единственной женщиной и лишь меня обделили правом голоса. Немым наблюдателем, как прокаженная, сижу в углу на табуретке в отдалении от четырех мужчин, делящих меж собой стол.

– Я могу понять зачем ты утянул её вместе с нами в темницу, но прямо сейчас в нашей единственной пригодной для сна комнате три бабы. – Хастах бесцеремонно тыкает в меня пальцем. – Идэр, как старая мельница, – отслужила своё. Малолетняя нахлебница и сумасшедшая карлица вообще бестолковые создания.

– Ты предлагаешь избавиться от них? – серьезность никогда не была сильной чертой Катуня, но сейчас его вопрос звучит властно и с вызовом. Хастах расправляет плечи, демонстрируя готовность вступить в перепалку не только словесно. Амур потирает лоб. Разглядывая столешницу, он бубнит под нос:

– Катунь, выведи Малена и его подружку, подготовь девчонку к разговору.

– Как же Мален? Почему ты позвал церковную подстилку, а не его? – Хастах награждает меня взглядом, полным отвращения. Нахимов не спорит с Амуром и исчезает в коридоре, растворяясь в темноте.

Если однажды у Хастаха дрогнула рука, когда мой возлюбленный приказал меня пристрелить, то Катунь бы сделал это. Не то чтобы мы были врагами. Наоборот. Из всех знакомых мне мужчин он всегда был слишком добр. Но Амур его безусловный приоритет, чьим доверием он никогда не рискнёт. А я – просто женщина без рода и племени, что предала их всех.

– Это вам не Иноземье за тридевять морей, здесь от девок толку как от седла для коровы. – продолжает развивать очередную женоненавистническую мысль Хастах.

– Мы же не можем просто их выкинуть... – робко вклинивается Стивен. Под конец предложения его голос становится совсем тихим и неуверенным.

– Постоялый двор или...

За стеной раздаётся выстрел. Спина покрывается холодным потом.

Этот коротышка хочет нас пристрелить? Откуда у неё ружьё? В комнату её завели безоружной.

Переглядываюсь с мальчишкой Ландау. Кровь отлила от его бледного лица, усыпанного созвездиями веснушек. Распущенные вьющиеся волосы болтаются у подбородка, на котором нет и намёка на щетину.

– Ты слишком категоричен в отношении женщин. – тихо с усмешкой отмечает Амур. Его совсем не беспокоят звуки стрельбы из комнаты. – Помимо неоспоримой красоты во многих из них кроется потенциал.

– Умоляю, ты же не о Идэр? – хнычет Хастах. Цепляюсь пальцами за полы рубахи.

Оторочка, с вышитыми на ней красными цветами, появляется и исчезала из виду, пока я сжимаю и разжимаю пальцы.

– Не о Идэр.

Его слова ранят несмотря на мягкий, как бархат, голос. Но я слышу в нём угрозу. Не ясно кому: мне или обозлённому другу.

– Только не говори, что ты не хочешь избавляться от нашей *маленькой* проблемы. Они не равны нам, как бы тебе этого не хотелось.

Амур подливает в гранёный стакан горючки и отставляет графин.

– Хастах, если тебя поставить драться с девой, то ты точно ей проиграешь. – пресекая возможную перепалку Разумовский продолжает тоном, не терпящим возражений. – Не потому, что дама сильнее тебя, а от того, что ты недооцениваешь противника. Девушка, может, не всегда способна похвастаться успехами в кулачных боях, но на моей памяти ещё ни один солдат не одолел милейшую женщину, вооруженную мечом. А если она ещё и умна, то будь у мужчины ружье, а дева безоружна, он всё равно потерпит поражение.

– Девки не умны. Просто ты идиот, раз тебя смогла одурачить Идэр.

Лицо Разумовского напрягается и уродливые рубцы топорщатся. Он натянуто улыбается, поднимаясь.

Гори вечным пламенем, Хастах. Надеюсь, твоя душа никогда не найдёт успокоения.

– Может, ты и прав. Но я учусь на своих ошибках.

Амур исчезает в коридоре. Стивер бежит за ним сломя голову. Поднимаюсь. Хастах нагоняет меня в дверном проёме и одёргивает за рукав рясы.

– Ты же не думаешь, что все всё забыли?

– Не думаю. – это честный ответ.

Все слишком быстро забывают что-то хорошее, но почему-то плохое оседает в памяти навсегда. Амур делал мне больно. Бесчисленное количество раз. И несмотря на это наши отношения были идеальными.

– В следующий раз я выстрелю.

Это обещание. Клятва. Больше Хастах не даст волю жалости.

В коридоре встречаю Малена. У нас ещё не было возможности нормально поговорить. Обмениваемся короткими кивками, когда он и высокая белокурая девушка занимают наше место на кухне.

Кто такая эта таинственная незнакомка и почему все вокруг так ей одержимы? Почему никого не интересует подружка Малена?

Пара десятков шагов в полумраке заставляют меня нервничать. Никто не удосужился внятно объяснить мне произошедшее. Как они оказались в темнице? Как выбрались?

В тесной комнате светло и жарко. Оттягиваю воротник рясы, освобождая шею. Золотые цепи жалят кожу.

– Я подпортила ваш потолок. – раздаётся женский голос. Он не певчий, ни низкий и ни высокий. С издёвкой и надменный. Ищу его обладательницу, не в силах совладать с охватившим меня интересом. Первым на глаза попадает Катунь. Он лежит на животе, подложив под грудь подушку. Змейки из волос разметались по его широким плечам. Нахимов в одних лишь свободных штанах, от чего мой взгляд не задерживается на мускулистой спине и скользит дальше. Щёки и кончики ушей вспыхивают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5pz>